

ISSN 2414-4452

PHILOLOGY

International scientific journal

№ 4 (10), 2017

Founder and publisher:
Publishing House «Scientific survey»

The journal is founded in 2016 (January)

Volgograd, 2017

UDC 8
LBC 72

PHILOLOGY

International scientific journal, № 4 (10), 2017

The journal is founded in 2016 (January)
ISSN 2414-4452

The journal is issued 6 times a year

The journal is registered by Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technology and Mass Communications.

Registration Certificate: III № ФС 77 – 62764, 18 August 2015

EDITORIAL STAFF:

Head editor: Musienko Sergey Aleksandrovich

Executive editor: Manotskova Nadezhda Vasilyevna

Dmitrieva Elizaveta Igorevna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of Department “Foreign languages - 5”

Ansimova Olga Konstantinovna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Chair of Russian language

Atamanova Natalia Viktorovna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Russian Language Department

Authors have responsibility for credibility of information set out in the articles.
Editorial opinion can be out of phase with opinion of the authors.

Address: Russia, Volgograd, Angarskaya St., 17 "G"

E-mail: sciphilology@mail.ru

Website: <http://sciphilology.ru/>

Founder and publisher: Publishing House «Scientific survey»

УДК 8
ББК 72

ФИЛОЛОГИЯ

Международный научный журнал, № 4 (10), 2017

Журнал основан в 2016 г. (январь)
ISSN 2414-4452

Журнал выходит 6 раз в год

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

**Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77 - 62764 от 18 августа 2015**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: Мусиенко Сергей Александрович
Ответственный редактор: Маноцкова Надежда Васильевна

Дмитриева Елизавета Игоревна, кандидат филологических наук, доцент кафедры "Ино-
странные языки - 5"

Анимова Ольга Константиновна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского
языка, Новосибирский государственный технический университет

Атаманова Наталья Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского
языка

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

Адрес редакции: Россия, г. Волгоград, ул. Ангарская, 17 «Г»
E-mail: sciphilology@mail.ru
Website: <http://sciphilology.ru/>

Учредитель и издатель: Издательство «Научное обозрение»

CONTENTS

Philological Sciences

- Volskiy K.P.*
ON THE HISTORY OF PECHORA TOPONYM 8

Literary Studies

- Karimova D.K.*
CLICHÉ RHYME AS A MARKER OF A LYRICAL
MOTIF IN THE ENGLISH POETRY OF THE XIX CENTURY 12
- Litvinenko N.A.*
FRENCH HISTORICAL NOVEL OF THE 1820 s: POETICS OF TITLES 17
- Mikulashuk A.*
FROM FREE SPEECH TO RESTRICTED SPEECH
(POLEMIC DISCUSSION IN TERMS OF LINGUISTIC METAPHORS) 22
- Stepanova N.N.*
NATIONAL IDENTITY IN MAURICE BARRÈS'S OEUVRE 27

Literature of Peoples of the Foreign Countries

- Yuan Fuqiang*
A BRIEF TALK ON VIBRATO IN SINGING 36

Literary Theory. Textology

- Suprun S.V.*
THE ART WORLD AS A "SPIRITUAL REALITY" SPACE
(ON THE EXPERIENCE OF THE I.A. ILYIN'S RELIGIOUS AND CRITICAL METHOD) 40

Linguistics

- Veysalli F.J., Äsgerova Ch.S.*
ZUM PROBLEM DER SYSTEMHAFTIGKEIT AUF DER LEXIKALISCHEN SPRACHEBENE 43
- Pavlović-Šajtinac M.*
THE ISSUE OF INTER-LANGUAGE HOMONYMY IN THE TEACHING
RUSSIAN LANGUAGE IN A SERBIAN LINGUISTIC ENVIRONMENT 48
- Sanja Aslanovski Tokić*
EXPRESSION OF POSITIVE
AND NEGATIVE EMOTIONS IN THE RUSSIAN YOUTH SLANG 52
- Tutova E.V.*
THE PROCESS OF CODE SWITCHING AS THE MOST IMPORTANT
PSYCHOLINGUISTIC ASPECT OF LANGUAGE CONTACTS 59

The Russian Language

Diakova T.A.

FEATURES OF THE LANGUAGE PICTURE

OF THE WORLD OF DON COSSACKS (BASED ON MATERIAL

OF LYUDMILA MAGEROVSKAYA'S NOVEL "O ZHERNOVAKH" (ABOUT MILLSTONES) 63

Latin Languages

Sinitsyna A.M.

COLOMBIAN NATIONAL VARIATION OF SPANISH

AND ITS TERRITORIAL DIALECTS: LANGUAGE PECULIARITIES 68

Linguistic Theory

Korytnaya M.L., Mikhaylova S.Ye.

THE ROLE OF THE PRECEDENT PHENOMENA IN INTERCULTURAL DIALOGUE 75

СОДЕРЖАНИЕ

Филологические науки

- Вольский К.П.*
К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ НАЗВАНИЯ «ПЕЧОРА» 8

Литературоведение

- Каримова Д.К.*
РИФМЕННОЕ КЛИШЕ КАК МАРКЕР
ЛИРИЧЕСКОГО МОТИВА В АНГЛИЙСКОЙ ПОЭЗИИ XIX ВЕКА 12
- Литвиненко Н.А.*
ФРАНЦУЗСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН 1820-х ГОДОВ: ПОЭТИКА ЗАГЛАВИЙ 17
- Микулашек А.*
ОТ ВОЛЬНОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ К РАБСТВУ РЕЧИ
(ПОЛЕМИЧЕСКОЕ РАССУЖДЕНИЕ В СВЕТЕ МЕТАФОР ЯЗЫКА) 22
- Степанова Н.Н.*
НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ТВОРЧЕСТВЕ МОРИСА БАРРЕСА 27

Литература народов стран зарубежья

- Юань Фуцян*
КРАТКИЙ ОБЗОР ВИБРАТО В ПЕНИИ 36

Теория литературы. Текстология

- Супрун С.В.*
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР КАК ПРОСТРАНСТВО «ДУХОВНОЙ РЕАЛЬНОСТИ»
(К ОПЫТУ РЕЛИГИОЗНО-КРИТИЧЕСКОГО МЕТОДА И.А. ИЛЬИНА) 40

Языкознание

- Вейсяли Ф.Я., Аскерова Х.С.*
ПРОБЛЕМА СИСТЕМНОСТИ ЛЕКСИЧЕСКОГО УРОВНЯ ЯЗЫКА 43
- Павлович-Шайтинац М.*
ВОПРОС МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ ОМОНИМИИ В ПРАКТИКЕ
ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В СЕРБСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ СРЕДЕ 48
- Саня Аслановски Токич*
ВЫРАЖЕНИЕ ПОЛОЖИТЕЛЬНЫХ И ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ
ЭМОЦИЙ В РУССКОМ МОЛОДЕЖНОМ СЛЕНГЕ 52
- Тугова Е.В.*
ИЗУЧЕНИЕ ПРОЦЕССА ПЕРЕКЛЮЧЕНИЯ КОДА КАК НАИБОЛЕЕ
КРЕАТИВНОГО АСПЕКТА В РАМКАХ ТЕОРИИ ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ 59

Русский язык

Дьякова Т.А.

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА ДОНСКИХ КАЗАКОВ
(НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА ЛЮДМИЛЫ МАГЕРОВСКОЙ «В ЖЕРНОВАХ») 63

Романские языки

Синицына А.М.

КОЛУМБИЙСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВАРИАНТ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА
И ЕГО ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ДИАЛЕКТЫ: ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ..... 68

Теория языка

Корытная М.Л., Михайлова С.Е.

РОЛЬ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ДИАЛОГЕ 75

УДК 1751

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ НАЗВАНИЯ «ПЕЧОРА»

К.П. Вольский, учитель истории

Архангельская область, Плесецкий район, деревня Тарасово, Россия

Аннотация. Автор считает, что по истории названия реки Печора, впадающей в Баренцево море, возможна иная версия, чем существующие мнения по его этимологии, и предлагает в настоящей статье свою аргументацию появления и значения этого названия.

Ключевые слова: дрова, камень, приток, ручей, сосна.

ВСТУПЛЕНИЕ.

О существующих версиях по истории названия Печора.

ПЕЧОРА, крупнейшая река Архангельской области. Энциклопедический словарь сообщает следующие сведения: «... река в Коми АССР и Архангельской области. Впадает в Печорскую губу Баренцева моря. Длина 1814 км.»

По истории происхождения названия Печора существует ряд мнений.

Е.М. Поспелов, доктор географических наук: «Река, вероятнее всего, получила название по этнониму *печера*, упоминаемому в ранней русск. летописи в числе ближайших соседей сев. славян. Этноним, очевидно, самод. происхождения: ср. ненец, *пэ* «лес», *чер(а)* «житель», т.е. *печера* – «лесные жители, лесные ненцы». Как гипотеза может допускаться первичность гидронима *Печора* с последующим образованием от него этнонима. Однако этимология гидронима в этом случае неясна, причем допускать, что *Печора* из др.-русск. «пещера» [Фасмер, 3] и что это русск. название позже усвоили коренные жители края коми и манси, что от него образовался этноним, попавший в летопись, совершенно нереалистично» [7].

В.А. Никонов, советский ономаст, почётный член Международного комитета ономастических наук при ЮНЕСКО (1972): «Печора – р. на СВ Европейской части СССР. Этимология спорна. Считали, что назв. дано за *пещеры* (их в старину называли *Чудские пещеры*, связывая с преданием о чуди, ушедшей под землю); эту этимологию повторяют и теперь (SB, с. 192), но она, вероятно, старинное переосмысление назв., непонятного уже и для первых русских, узнавших о П.; неубедительно привлекать и коми печор «крапива» (St., с. 227). Финноугорское происхождение, вполне возможное, скорее могло быть связано с основой «сосна» (мордов. *пиче*, фин.-суоми *petaja*) или угор, «олень» (хантыйск. *пеши*, мансийск. *пашш* «оленок») (Матвеев, с. 107). Связь с гидронимами на *-ра*, однако, остается неисследованной. Летопись знала тут племя *печора* (неизвестно, этноним возник из гидронима или наоборот)» [6].

А.К. Матвеев, советский и российский лингвист; специалист в области уральской и северорусской диалектной лексики и субстратной топонимики: «**ПЕЧОРА** (древнерусское Печера), р. в Респ. Коми и НАО, впадает в Печорскую губу Баренцева моря, берет начало в горах Северного Урала. На пересечении реки с железнодорожной магистралью Котлас – Воркута расположен гор. Печора, образованный в 1949 г. Даже в самых солидных изданиях, например, в «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера, можно встретить

утверждение, что название этой реки происходит от древнерусского слова *печера* – «пещера» и что будто бы Печора – «Река пещер» – названа так за изобилие пещер в ее нижнем течении: в них якобы жила древняя чудь. В некоторых русских диалектах это слово звучит *печора*, что, казалось бы, еще больше укрепляет древнерусскую версию.

По-коми Печора называется Печера, а по-мансийски Песер (произносится Пещер, Печер) или Песерья, где *я* – «река». Оба эти названия, с точки зрения сторонников изложенной гипотезы, заимствованы из древнерусского языка. Но против многое: русские не были коренным населением в бассейне Печоры, уже поэтому странно, что основная водная магистраль края названа по-русски; пещеры вовсе не такой важный и распространенный объект в Припечорье, чтобы стать поводом для наименования столь значительной реки; сомнительно, что коми и манси заимствовали название этой реки у русских, более вероятно обратное; для русской топонимии необычно называть большую реку просто «Пещерой»; наконец, уже на первых страницах русской летописи под 1096 г. упоминается племя Печера или Печора.

Вполне могло быть, что река получила название именно по этому загадочному племени, в котором исследователи видят то какую-то этническую группу ненцев, то одно из племен коми. Сам же этноним *печор(а)* известный этнограф Б.О. Долгих делит на ненецкие слова *пэа* (в других источниках *пя*) – «лес» и *тер, дер* – «житель», то есть *печор(а)* – «лесные жители». Конечное *а*, по его мнению, возникло уже в русском языке по аналогии с этнонимами *мещера, карела, черемиса* и т.д. Если все это правда, то мансийское Песерья действительно можно было бы перевести – «Река печоры (ов)», как предлагает Б.О. Долгих.

Ну а если первично название реки?

Прежде всего надо отказаться от «древнерусской версии». Это обычное народно-этимологическое объяснение названия: непонятный ни русским, ни коми топоним был истолкован при помощи случайно совпавшего с ним древнерусского слова *пече-ра* – «пещера». Возможно, перед нами очень древнее название, которое надо связывать с другими столь же непонятными топонимами на *ар* и *ер*, как мансийское Пасар, коми – Висер» [3].

Сааракиви Я.С., финский лингвист, профессор университета Хельсинки, в работе «Субстраты Урала. Исследования финно-угорского субстрата в северных русских говорах» допускает, что название этнической группы *печера* связано с названием реки Печора, которое происходит от русского диалектного варианта слова *пещера* «пещерный» и считает, что «Согласно историческим источникам, *печера* жили в пещерах в устье реки Печора» [8].

Мнение автора.

Исследование субстратной топонимии, как процесса познания этимологии и семантики названия начинается с его структурно-морфологического анализа, который основан на том обстоятельстве, что преимущественно в не усеченных субстратных топонимах второй составной частью их всегда выступает тот или иной географический термин, указывающий на особенности географического объекта, его вид и род (озеро, лес, гора, река...).

Именно это обстоятельство позволяет название *Печора* поставить в один ряд с названиями ее притоков *Мытчер, Янчер, Кетчер, Учотшор, Вукыляшор, Вамшор, Пекшор*, в которых выделяем топоформанты *-чер* и *-шор*. Это тем более кажется уместным, что по свидетельству А.К. Матвеева (см. выше) коми-народ называет *Печору – Печера*. Для доказательств терминологичности топоформантов *-чер* и *-шор* сравним термины коми языка *чер* 'приток', *шор* 'ручей' [2].

Исходя из позиции, что *чер(а)* в названии *Печора* есть гидротермин коми языка в значении *приток*, то этимологию топоосновы *пе*, очевидно, надо искать в лексике коми языка, предварительно отметив, что согласный «ч» как передненебный звук может ассимилировать в анлауте переднеязычные согласные звуки, такие как «т», «с» и их совокупность *тс, тсс*.

Сравним. Эстонское название деревни *Ункавитс*, русские воспроизводят как *Умкович*, деревня *Нечиперти* (Новг. обл.) производна от финского *Метсяпирти*. Н.В. Кабинина для основы *вич-* (*Вичручей, Вичручей, Вичура*) предлагает «~ Фин. *vitsa*, карел, *vittša, vittša* люд.

vitš(e), вепс, *vits* 'прут, хворостина'» [1]. А.К. Матвеев, называя р. *Воченга* (*Вочанга*, *Вочинга*) предлагает для сравнения: «...*vuottč* «береговая песчаная отмель» [KKS: 800] > фин. *vuotso*, *vuotsu*, *uotso* «длинное узкое болото, водяное место», «береговая отмель...» [4]. Примеров подобного рода *тс*, *тсс*, *тш*, *тч* > ч в субстратной топонимии на территории Русского Севера можно привести множество.

Все сказанное нами о возможном существовании согласного «ч» в названиях субстрата позволяет нам предположить, что в анлауте топоформанта *чера* (*чора*) могла присутствовать консонантная группа «тс» или переднеязычный согласный «с», и в этом случае для воссоздания древней основы *не(?)* в название *Печора* сравним коми *пес* «дрова», *Песчера* > *Печера*.

Кстати, в пользу версии, что перворожденная топооснова в названии *Печера* от коми *пес* «дрова», свидетельствует и мансийское название этой реки – *Песер* (данные от А.К. Матвеева, см. выше), в мансийском языке отсутствуют аффрикаты и поэтому согласный «ч» исчез в названии *Песчера*.

Учитывая, что консонантные группы *тс*, *тсс*, *тш*, *тч* в субстратной топонимии при русской адаптации названия передаются как ч, воспользуемся мнением А.К. Матвеева, предлагающего для этимологии топоосновы *печ* в названии *Печеньга* финно-угорское слово в значении *сосна*: «Прасаам. *ресē, саам. сев. *баессе*, Инари *рееси*, Колтта *риäсс*, Кильдин *риезз*, тер. *piesse* ... = фин. *petäjä*, ижор. *pettäjä*, карел. *petäjä*, люд., вепс. *pedai*, вод. *petäjä*... эрз. *pitše*, мокш. *pitšä*... [4]. Но...

Но в этом случае надо будет признать гетерогенную природу названия *Печора*, тогда как историческая наука не располагает данными о проживании на территории Коми Республики угорских или саамских народов, топонимическое наследие которых было бы освоено пермскими народами.

Но если даже допустить возможность появления гетерогенного названия для названия *Печора*, то это возможно только при контактах коми народа с народами иной языковой группы и в этом случае можно предложить для этимологии топоосновы *не* слово из лексики ближайших соседей коми-народа – ненцев, а именно *нэ* «камень» [5]. *Нэ чор(а)* – *Каменный приток*. Но надо признать, что такая версия малоубедительна, т.к. гетерогенные названия на русском Севере возможны только на линии русский язык – финно-угорские языки.

И главный вопрос «Почему крупнейшая река Русского Севера могла получить такое название – Дровянная река?»

Само собой разумеется, что никто в древности не занимался специальным называнием географических объектов, тем более объектов протяженностью несколько сотен километров. Скорее всего, это название распространилось на какой-то из притоков этой реки и именно с этого притока русские насельники стали осваивать бассейн реки, закрепив за ней название притока *Песчера* > *Печора*.

Кстати, сравним название р. *Дровяная*, впадает в р. Крынка – Баренцево море, между речье рек Печора и Мезень, р. *Дровяная* впадает в Баренцево море, междуречье рек. Печора и Обь. Не исключено, что названия этих рек есть калька названия *Песчера*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кабинина, Н.В. Субстратная топонимия Архангельского Поморья / Н.В. Кабинина. – Екатеринбург : Издательство Уральского Университета, 2011.
2. Коми-русский словарь. – Под ред. Лыткина В.И. – М., 1961.
3. Матвеев, А.К. Географические названия Урала». Топонимический словарь / А.К. Матвеев. – Екатеринбург : ИД «Сократ», 2008.
4. Матвеев, А.К. Субстратная топонимия Русского Севера / А.К. Матвеев. – Екатеринбург : Издательство Уральского Университета, 2007. – Т. III.
5. Ненецко-русский словарь. – Издательство «Просвещение», 1982.
6. Никонов, В.А. Краткий топонимический словарь / В.А. Никонов. – Москва : Издательство «Мысль», 1966.

7. Поспелов, Е.М. Географические названия мира. Топонимический словарь / Е.М. Поспелов. – Москва : Русские словари, 1998.

8. Саарикиви, Я.С. Субстраты Урала. Исследования финно-угорского субстрата в северных русских говорах / Я.С. Саарикиви. – Тартуский университет, 2006.

Материал поступил в редакцию 07.06.17.

ON THE HISTORY OF PECHORA TOPONYM

K.P. Volskiy, Teacher of History

Arkhangelsk Oblast, Plesetsky District, Tarasovo, Russia

***Abstract.** The author of this paper supposes that the other version on the history of the name of the Pechora River, disemboing into the Barents Sea, is possible, and this version is distinct from the existing opinions on its etymology. Also the author suggests the argumentation of emergence and meaning of this name in the present article.*

***Keywords:** firewood, stone, feeder, brook, pine.*

Literary Studies
Литературоведение

УДК 80-4

**РИФМЕННОЕ КЛИШЕ КАК МАРКЕР ЛИРИЧЕСКОГО
МОТИВА В АНГЛИЙСКОЙ ПОЭЗИИ XIX ВЕКА**

Д.К. Каримова, кандидат филологических наук, доцент
Московский государственный областной университет, Россия

Аннотация. В представленной статье рассматривается связь феномена рифменного клише с содержательной стороной поэтического текста. На материале поэзии XIX века автор выявляет устойчивые рифмопары с существительным *stream*, на основании количественного подсчета сравнивается их частотность. В статье описываются семантические повторы в контекстуальном окружении устойчивой рифмопары, указывающие на лирические тематические мотивы, связанные с рифменным клише.

Ключевые слова: рифменное клише, семантическое гнездо, лирический мотив, поэтическая традиция.

Вопросы функционирования поэтических клише связаны с проблемами традиции и общности поэтического сознания направления, жанра, эпохи и т.д., порождающего устойчивые элементы. Исследователями поэтических текстов отмечалась взаимосвязь вербальных клише и стереотипных тематических элементов [Веселовский, 2014, с. 73-93; Вацуро, 1964; Гинзбург, 1997].

Одним из видов вербальных клише в поэзии является рифменное клише. Возникновение таких клише обусловлено ограниченностью запаса рифмующихся слов в языке, приводящей к многократному повтору рифмопар. В стиховедческих работах феномен рифменных клише в последнее время чаще соотносится с семантическим уровнем текста. Смысловая связь рифмующихся слов закрепляет феномен рифменного клише и во многих случаях обуславливает содержательное сходство рифмующихся строк. Сюжетообразующая способность устойчивой рифмопары обусловлена также мощным ассоциативным потенциалом устойчивой рифмы, оживляющей в памяти слушающего/читающего предыдущие ее контексты. Исследователями русской поэзии традиционные рифмы рассматриваются как свернутые мотивы [Иванов, Топоров, 1956]. Признано, что преобразование традиционной рифмы за счет изменения контекста оживляет мотивную семантику такой рифмы, а то же время само клише указывает на связь творчестве поэтов с традицией.

Традиционные рифмы в русской поэзии многократно исследовались отечественными филологами, в то время как в западной филологии, где в центре внимания находятся индивидуальные особенности авторского стиля, такого рода исследования не популярны [Tarlinskaja, 1989, с. 115-117]. Любые проявления формульности считаются чертой архаичной и народной устной поэтической речи, таким образом, на материале англоязычной авторской поэзии исследования семантических ореолов рифменных клише не проводились.

Однако отрицать существование рифменных клише в английской поэзии невозможно, для их выявления достаточно взять любое слово, часто встречающееся в конце строки.

С целью проследить связь устойчивой рифмы с элементами сюжета – лирическими ситуациями – нами были выбраны все контексты употребления существительного stream в конце стиха в текстах поэтов английского романтизма XIX века: Дж. Мильтона (17103 строк), У. Блейка (3416), В. Вордсворта (6384) С. Т. Кольриджа (6090) Дж. Китса (2377), П. Шелли (15944), У. Теннисона (20822), В. Скотта (15526), Дж. Клэра (5879).

В рассмотренном материале выявились 11 рифмопар с данным существительным, из которых устойчивыми являются dream, gleam и beam. Самой частотной является наиболее точная (дающая более полное совпадение звуков) из перечисленных – рифма stream – dream. В таблице 1 представлена доля каждой рифмы в процентном отношении ко всем рифмам stream у каждого указанного поэта.

Таблица 1

	Milton	Blake	Wordsworth	Coleridge	Keats	Shelley	Tennyson	Scott	Clare
dream	50 %	100 %	33.3 %	46.2 %	33.3 %	53.3 %	100 %	20 %	70 %
gleam	-	-	40 %	23.1 %	-	20 %	-	20 %	20 %
beam	16.7 %	-	30 %	23.1 %	33.3 %	20 %	-	33.3 %	-
seem	16.7 %	-	3.3 %	7.7 %	11.1 %	-	-	6.7 %	-
(re)deem	-	-	13.3 %	-	11.1 %	-	-	13.3 %	-
theme	-	-	3.3 %	-	-	6.7 %	-	-	-
scream	-	-	-	15.4 %	-	6.7 %	-	-	-
bream	-	-	-	-	11.1 %	-	-	-	-
spring	16.7 %	-	-	-	-	-	-	-	-
steam	-	-	-	-	-	-	-	6.7 %	-
esteem	-	-	-	-	-	-	-	-	10 %

Семантический анализ текстовых отрезков с данной рифмой в поэзии Мильтона и романтиков 19 века позволил выявить факт закрепленности данной рифмопары за рядом сюжетных ситуаций и мотивов.

Одной из таких лирических ситуаций является «мечты и отдых у ручья». Часто повторяемыми семантическими компонентами в текстах, описывающих эту ситуацию, являются “young poet / shepherd/lover”, “summer”, “calmness”: Such sights as youthful Poets dream / On summer eves by haunted stream. [Milton *L'Allegro*, 130], Dear native brook! where first young poetry / Stared wildly-eager in her noontide dream, / Where blameless pleasures dimple quiet's cheek, / As water-lilies ripple a slow stream! [Coleridge *Written In Early Youth* 88], And mark by rustic bridge, o'er shallow stream, / Cow-tending boy, to toil unreconciled, / Absorbed as in some vagrant summer dream; [Clare *Summer Images*, 85], Or thread the sunny valley laced with streams, / Or forests rude, and the o'ershadow'd brims, / Of simple ponds, where idle shepherd dreams [Clare *Summer Images*, 92], I'll pore upon the stream / Where sighing lovers dream [Blake *Song: Memory, hither come*, 5], I'll drink of the clear stream, / And hear the linnet's song; / And there I'll lie and dream / The day along; [Blake *Song: Memory, hither come*, 8].

Вариант этой же ситуации – «пробуждение от дремоты/мечты у ручья»: Save that awakening from her dream, / The owlet now began to scream, / In concert with the rushing stream [Scott *The Bridal Of Triermain*, Canto I, XIV, 8], Dreaming, she knew it was a dream: // She woke: the babble of the stream [Tennyson, *Mariana In The South*, 51], Where native Otter sports his scanty stream // The glorious prospect woke me from the dream [Coleridge *Life*, 2].

Так же как и погружение в мечты или сон, пробуждение от сна часто вызвано звуком (murmur/roar) водного потока: Midst groan of rock and roar of stream, / The wizard waits prophetic dream [Scott *The Lady of the Lake: Canto 4, V*, 11], Who never caught a noon-tide dream /

From murmur of a running stream [Wordsworth *To the Lady Fleming*, VI, 6], Alas! the very murmur of the streams / Breathes o'er the failing soul voluptuous dreams [Wordsworth *Descriptive Sketches*, 135], Each clacking mill, that broke the murmuring streams / Rocked the charmed thought in more delightful dreams; [Wordsworth *Ibid*, 630], How sweet it were, hearing the downward stream, // Falling asleep in a half-dream! [Tennysson, *The Lotos-eaters*, Choric Song, V, 1].

Другим мотивом, за которым закреплена данная рифма, является «водный поток в сновидении / мечтах / воспоминаниях»: Of recollections vivid as the dreams / Of midnight, – cities, plains, forests, and mighty streams [Wordsworth *Rydal Mount*, XXXVII, 18], Yet will I love to follow the sweet dream, / Where Susquehannah pours his untamed stream [Coleridge *Monody On The Death Of Chatterton*, 112], Dear child, I also by pleasant streams / Have wander'd all night in the Land of Dreams [Blake *Land of Dreams*, 13], There was a time when meadow, grove, and stream, // To me did seem / Apparell'd in celestial light, / The glory and the freshness of a dream [Wordsworth *Ode Intimations of Immortality*, I, 1], And is this – Yarrow? – ‘This’ the Stream / Of which my fancy cherished, / So faithfully, a waking dream? [Wordsworth *Memorials of a Tour in Scotland* 1814, IV, 1].

Перечисленные мотивы “Dream by the stream”, “Stream in the dream”, “Dream like a stream” и “Stream like a dream” в более чем 70 % контекстов поэзии романтиков оказываются закрепленными за данной рифмой (см. таблицу 2). Рифменное клише, закрепленной за лирическим мотивом, становится в поэзии романтиков ее формальным маркером.

Таблица 2

Мотив	Контексты рифмопары	Мотив	Контексты рифмопары
‘Dream by the stream’	38 %	‘Dream like a stream’	19 %
‘Stream in the dream’	27 %	‘Stream like a dream’	8 %

В рассмотренном материале можно выделить семантическое гнездо рифм с инвариантом “Stream – Light” с вариантами stream – gleam и stream – beam.

Лирические ситуации, связанные с рифмой stream – gleam (см. таблицу 3), это, чаще всего, отблеск солнечного или лунного света на воде, или отраженное мерцание реки или ручья, хотя в некоторых случаях рядом с ручьем или рекой отсвечивают в силу традиционности данной ситуации и иные, по природе не светящиеся предметы. Интересна особенность семантики воссоздающих эту ситуацию текстов: очень часто (41 %) описание содержит контраст. Это может быть противопоставление яркого и тусклого или затуманенного света, либо тьмы: And, ever and anon, how bright a gleam / Pours on the surface of the turbid Stream! [Wordsworth *Ecclesiastical Sonnets*, II, VII, 17], Travelled o’er by dying gleams; / Be it bright as all between/ Cloudless skies and windless streams [Shelley *Prometheus Unbound*, I, 681], Nor Tees alone, in dawning bright, / Shall rush upon the ravish'd sight; / But many a tributary stream / Each from its own dark dell shall gleam [Scott *Rokeby* II, III, 3]. Контрастировать могут эмоции – радость сменяется печалью: And see how dark the backward stream! / A little moment past so smiling! / And still, perhaps, with faithless gleam, / Some other loiterers beguiling [Wordsworth *Lines Written while Sailing*, 5]; на смену бурной деятельности приходит покой: Of golden battlements to view the gleam, / And slumber soft by some Elysian stream [Scott *The Bridal Of Triermain*, VIII, 14]; торопливость уравнивается размеренностью: So have we hurried on with troubled pleasure: / Henceforth, as on the bosom of a stream/That slackens, and spreads wide a watery gleam [Wordsworth *From the Restoration to the Present Times*, XII, 10]. Мощь стихии противопоставляется ничтожности существ: The unremitting voice of nightly streams / That wastes so oft, we think, its tuneful powers, / If neither soothing to the worm that gleams / Through dewy grass, nor small birds hushed in bowers [Wordsworth “*The unremitting voice of nightly streams*”, 1].

Таблица 3

Мотивы рифмы stream – gleam	Контексты рифмопары	Мотивы рифмы stream – beam	Контексты рифмопары
‘Gleam of sunlight/moonlight on the stream’	31.8 %	‘Beam on the stream’	52 %
‘Gleam of the stream in the dark’	27.7 %	‘Stream of beams’	20 %
‘Gleam of eyes’	9.1 %	‘At the stream under the beam’	24 %
‘Gleam of other objects’	27.7 %	-	4 %

Не менее продуктивное рифменное клише stream – beam, принадлежащее к семантическому гнезду “Light – Stream”, закреплено за тремя лирическими мотивами (см. таблицу 3). Мотив «света падающего на воду» воплощается в текстах, описывающих ночной или утренний пейзаж с лучами солнца, луны или отблеском звезды на движущейся воде: The stars of night grew pallid, and the beams / Of morn descended on the ocean-streams [Shelley *The Revolt of Islam*, III, XXXIII, 5], And slept until the dawning beam / Purpled the mountain and the stream [Scott *The Lady of the Lake* 4, XXXI, 38], And, when the sun first dawned upon the streams, / How faint their portion of his vital beams! [Wordsworth *Liberty*, 56]; такое описание часто бывает эмоционально приподнятым: The aspiring Mountains and the winding Streams, / Empress of Night! are gladdened by thy beams [Wordsworth *To the Moon*, 23], Spares thy mild splendour; still those far-shot beams / Tremble on dancing waves and rippling streams [Wordsworth *To the Moon, Rydal*, 24], Aye as the star of evening flung its beam/ In broken radiance on the wavy stream [Coleridge *To A Young Lady, With A Poem*, 8], Shed from their sides, that face the sun's slant beam, / Strong flakes of radiance on the tremulous stream [Wordsworth *An Evening Walk*, 109]. Сходство двух последних вариантов, обусловленное, помимо одинаковой последовательности слов рифмопары и одного типа рифмы (смежной), также наличием фразового повтора “radiance on the” в сходной ритмической позиции, позволяет предположить в них наличие поэтической реминисценции.

Рифменные клише семантического гнезда “Stream – Light” могут образовывать тройные рифмы, например: Sweet dreams of pleasant streams, / By happy silent moony beams [Blake *A Cradle Song*, 3], It floats upon the sunset’s sea of beams, // <...> on sunlight’s ebbing streams,/ Dilating, on earth’s verge the sunken meteor gleams [Shelley *The Revolt of Islam*, XII, XXI, 8], And rain he wildered on, no moon to stream/ From gulf of parting clouds one friendly beam, // Once did the lightning’s faint disastrous gleam [Wordsworth *Guilt and Sorrow*, XV, 4] и др.

Таким образом, на примере устойчивых рифм слова stream мы видим, что рифменные клише в английской поэзии романтизма XIX века связаны с устойчивыми сюжетными ситуациями и лирическими образами; рифменные клише и мотивы, на которые они указывают, являются элементами романтической поэтической традиции, по-разному обыгрываемыми отдельными авторами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вацура, В.Э. Ранняя лирика Лермонтова и поэтическая традиция 20-х годов / В.Э. Вацура // Русская литература. – 1964. – №3. – С. 46-56.
2. Веселовский, А.Н. Историческая поэтика / А.Н. Веселовский. – М., 2014. – 647 с.
3. Гинзбург, Л.Л. О лирике / Л.Л. Гинзбург. – М., 1997. – С. 14-115.
4. Иванов, Вяч.Вс. Славянские языковые моделирующие семиотические системы / Вяч.Вс. Иванов, В.Н. Топоров. – М.: Наука, 1965. – 246 с.
5. Чистов, К.В. Народные традиции и фольклор: Очерки теории / К.В. Чистов. – Ленинград: Наука, 1986. – 303 с.
6. Tarlinskaja, M. Formulas in English Literary Verse / M. Tarlinskaja // Language and Style. – Vol. 22, № 2. – N. Y., 1989. – p. 115-130.

Материал поступил в редакцию 13.06.17.

CLICHÉ RHYME AS A MARKER OF A LYRICAL MOTIF IN THE ENGLISH POETRY OF THE XIX CENTURY

D.K. Karimova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Moscow Region State University, Russia

***Abstract.** The article deals with the links between a cliché rhyme and the semantics of poetic texts. In the English poetic texts of the XIX century the author identifies recurrent rhymes with the noun “stream”. Using quantitative data the author compares the frequency of the cliché rhymes. The paper contains the description of some semantic recurrences in the contexts of a rhyme, which points at the links between a rhyme cliché and thematic motif.*

***Key words:** cliché rhyme, semantic cluster, lyrical motif, poetic tradition.*

УДК 80

ФРАНЦУЗСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН 1820-х ГОДОВ: ПОЭТИКА ЗАГЛАВИЙ

Н.А. Литвиненко, доктор филологических наук,
профессор кафедры истории зарубежных литератур
Московский государственный областной университет (Москва), Россия

***Аннотация.** Заглавия, как и другие микроэлементы структуры исторического романа 1820-х гг., участвуют в выработке смыслов, жанровых форм, интертекста, играют важную роль в моделировании – на национально-исторической основе – поэтики жанра, популярной литературы не только XIX века. Заглавия формируют горизонт читательских ожиданий, находятся в диалогических связях с текстом, который предваряют, и с читателями разных эпох.*

***Ключевые слова:** заглавие, исторический роман, структура, поэтика, жанр.*

Заглавия, как и другие «рамочные» элементы структуры литературного произведения, – эпитафии, названия глав, – в исторической романистике Франции эпохи Реставрации принадлежат эпохе «битвы за романтизм». Разнообразные компоненты жанра, в соответствии с его модификациями и поэтикой, обнаруживают близость к традициям Вальтера Скотта и французской историографии. Макро- и микрокомпоненты жанра исторического романа участвуют в выработке смыслов, жанровых форм, интертекста, играют важную роль в моделировании – на национально-исторической основе – поэтики жанра, популярной литературы не только XIX века.

Изучение заглавий, их связей с жанровой семантикой произведений может разворачиваться в различных научных направлениях и контекстах: с точки зрения генезиса жанра, с точки зрения эволюции или особенностей его поэтики, с позиций и принципов рецептивной эстетики, на основе процессов межжанровых и межлитературных взаимодействий, в контексте модернистских или постмодернистских исканий... Обратившись к французской исторической романистике 1820-х гг., мы затронем, в первую очередь, один из наиболее очевидно проявившихся принципов выбора и использования заглавий – в качестве знаковой основы выстраивания жанровых стратегий и художественных смыслов.

Ученые по-разному интерпретируют терминологическую природу заглавия [2; 1]. Ж.-М. Шеффер относит заголовки, подзаголовки, обозначения жанра, заявления об авторских намерениях к индексам жанра [4, с. 174].

Жерар Женетт (Gérard Genette. *Seuils – éditions du Seuil*, coll. «Poétique», 1987) вкладывает в понятие паратекста то, что окружает и продолжает текст. К паратексту, который находится внутри текста (*prétexte*), литературовед относит заголовки, подзаголовки, рубрики, имя автора и издателя, дату издания, предисловие, примечания, иллюстрации, оглавление, послесловие и обложки [6]...

Французские литературоведы обоснованно подчеркивают роль элементов микроструктуры в формировании «гипотез смыслов», читательского восприятия текста, отмечая, что эти смыслы формируются не на линейной основе, а во взаимодействии множества факторов и элементов текстов [7].

Не вызывает сомнений, что в этом процессе формирования «гипотез смыслов» важнейшую роль играет предшествующий литературный и читательский опыт.

1820-е гг. во Франции – эпоха развития и эстетической самоидентификации романтизма, отрицания и разрушения жанровых канонов, все еще сохранявших свой авторитет и

притяжение. В ряду «новых жанров» – исторический роман, ориентированный на нефикциональные принципы изображения, отражение и воспроизведение реально происходивших событий, на формирование новых стратегий читательского восприятия. Его расцвет в среде литераторов и историков углублял рефлексию над соотношением «правды» и «вымысла» [3, с. 69-259]. Модус выработки нового соотношения фикциональных и нефикциональных текстов подпитывала и историография эпохи Реставрации, которая строилась, как и роман, на нарратологической основе.

Знаменательным явлением, запечатлевшим стадию и особенности протекающих в послереволюционную пору процессов жанрового развития французской исторической романистики, стали «Мученики, или триумф христианства» («Les martyrs ou le triomphe de la religion chrétienne», 1809) Шатобриана – произведение, которое было задумано писателем как эпопея, но было воспринято читателями как роман, несмотря на то, что в предисловии, в многочисленных авторских комментариях писатель подчеркивал эпопейную специфику своего замысла. Полисемантика заглавия действительно связывала роман Шатобриана с традициями эпопеи – изображением масштабного, эпохального события – принятия христианства. Однако само это событие представлено было в произведении как факт предыстории и развязки сюжета, тогда как весь обширный ход событий строился на основе вымышленной интриги – истории становления, исповеди, жизни вымышленного героя – Эвдора.

В результате обозначился «зазор между авторской и читательской ситуацией», основанный на несовпадении традиционно закрепившихся в эстетическом сознании эпохи представлений о жанре эпопеи – и восприятием читателя, высоко оценившим не только «Дух христианства» («Le Génie du christianisme», 1802), но и произведения, обладавшие новой психологической, живописно-событийной – романной и романтической спецификой – «Рене» и «Атала».

Жанровую «неоднозначность» «Мучеников» Шатобриана отметил Сент-Бев, который охарактеризовал «Мучеников» как «великое эпическое сражение (très grande), которое Шатобриан все-таки не проиграл» [8, р. 15]. Именно читатели оценили *романную* увлекательность интриги, а не стратегии эпопейно-исторического авторского письма. В то же время в критике с опорой на шатобриановские комментарии надолго закрепилось представление о «Мучениках» как эпопее, оно до настоящего времени влияет на жанровую репутацию «Мучеников»: историю исторического романа настойчиво и обоснованно связывают с Вальтером Скоттом, недоучитывая роль Шатобриана как создателя раннего образца жанра исторического романа во французской литературе XIX века, – романтического романа-эпопеи.

Принцип по-разному трансформируемой эпопейности жанровой модели («... или триумф христианства»), соотношения судеб героев с широким историческим контекстом времени сказывается в выборе двойных заглавий создателями романистики этого периода. Свой первый исторический роман Вальтер Скотт назвал «Уэверли, или Шестьдесят лет назад» (1814), позднее опубликовал роман «Пертская красавица, или Валентинов день» (1828). Двойное заглавие использует крупный французский историк, историк литературы, университетский профессор, «трижды увенчанный Академией», чьи лекции посещал Шатобриан, Вильмен. Он публикует роман «Ласкарис, или Греки в XV веке» («Lascaris, ou les Grecs du quinzième siècle», 1825). Очевидно, использование двойного заглавия формировало и маркировало двойственный ракурс читательских ожиданий, подчеркивало дистанцию во времени, отделяющую прошлое от настоящего, намерение автора изображать во взаимосвязи и достоверно исторические события, конфликты и судьбы героев.

Заглавия, используемые писателями, зависят от складывающегося на данном этапе литературного развития транстекстуального окружения жанра и, в свою очередь, формируют его. В контексте обозначенной проблемы – понимания специфики заглавий исторического романа 1820-х гг. репрезентативны «Сен-Мар, или Заговор во времена Людовика XIII» («Cinq-Mars, ou une Conjuration sous Louis XIII», 1826) А. де Виньи и «Хроника царствования Карла IX» («Chroniques du règne de Charles IX», 1829) П. Мериме. Они принадлежат писателям,

прокладывающим различные эстетические векторы развития литературных направлений и жанров в литературе XIX века.

Оба романа уже в заглавиях апеллируют к известным читателю именам и событиям, обладающим трагедийной семантикой, хотя принцип идентификации по-разному связан с героем романа Виньи – и с именем короля Карла IX, ассоциирующимся для французского читателя с Варфоломеевской ночью. Идентификация с героем в романе Мериме как будто не программируется заглавием, но это не значит, что она не предполагается. Восприятие исторического романа в этот период включает предпонимание, существование горизонта событийных ожиданий – и соответствующих этим событиям героев.

Анализ поэтики романа Мериме позволяет увидеть сложную основу такой идентификации, раздваивая читательские предпочтения, она связана с двумя «положительными» персонажами – Жоржем и Бернаром де Мержи, которых соединяют узы родства и разделяют религиозные взгляды. Процесс идентификации в этом случае требует от читателя довольно напряженной рефлексии – размышлений не над соотношением отрицательного и положительного, а над двумя разновидностями положительного – над позицией каждого из героев в контексте исторически конкретного времени. А понятие хроники выражало авторскую установку на последовательное и объективное изображение событий, маркированных именем короля, но не сводимых к его участию в потоке событий.

В формулировке заглавия романтического романа Виньи проявилась менее сложная парадигма, связанная с традициями литературы XVIII века, характерная для разнообразных жанровых модификаций литературы XIX века, в частности, для произведений историко-приключенческого жанра, – ориентация на лично маркированное событие и «героя», находящегося в центре сюжета и играющего в нем исключительную роль.

У реалиста Мериме нашла воплощение жанровая модель романа-хроники, где центр внимания смещается с героя на объективное воссоздание последовательно разворачивающегося потока исторически и психологически достоверных событий, где для писателя важно показать судьбу частного индивида как жертвы религиозных конфликтов, приведших к кровопролитию и гражданской войне. Имя короля маркировало эпоху, но не становилось сюжетным центром повествования. От читателя требовалось не столько погружение в любовную интригу, сколько самостоятельное участие в выработке смыслов. По генезису жанра, по подходу к материалу Мериме-романист, автор «Жакерии», ближе к трудам многочисленных историков Реставрации, которые искали закономерности событий и судеб, создавали нарративную историю, выстраивая и осмысливая предреволюционную и революционную эпоху.

В заглавии и романе Виньи находит проявление традиция приключения и событийности, идущая от «Айвенго», «Квентина Дорварда» к «Королеве Марго» или «Трем мушкетерам», где любовная интрига вписывается в тот или иной исторический контекст, где имя короля гораздо органичнее, чем у Мериме, вписано в коллизию заговора. При этом масштаб и глубина исторического материала и участия героев в событиях времени различны.

Мериме по-иному связан с традициями «великого романтика и реалиста» Вальтера Скотта (как английского писателя назвал В.М. Жирмунский). Его художественное видение жизни ближе к автору «Красного и черного», который тоже использовал в подзаголовке к своему роману о современной эпохе – Реставрации слово «хроника» – «Хроника XIX века», или к неизмеримо более масштабному замыслу будущего историка-«секретаря» современности Бальзака.

В соответствии с формируемыми эпохой стилями мышления, романы Виньи и Мериме вводят в семантику своих заглавий потенциально и явственно заложенный в материале модус трагической событийности. В традициях послереволюционной французской литературы герои гибли, кончали самоубийством, становились жертвой рока или общественных предрассудков. Тем последовательнее трагическое проникало в историческую романистику, вырабатывая стратегии формирования стереотипов популярной, массовой литературы.

Заглавие произведения, как и названия глав, – в силу специфики повествовательного

дискурса – предусматривает ожидание временных лакун, разрывов, сдвигов, мотивирующих и заполняющих повествовательное пространство текста. В соответствии или в сопредельности не только с романтизмом, в поэтике и читательском восприятии проявляется принцип фрагментарности и фокусировки, отчасти связанный и с той новаторской драматургией, которая в 1820-е гг. завоевывала французскую сцену (Дюма, В. Гюго).

В романе Мериме хроника подразумевала логику отбора, но и выстраивания фактов, столь органично обусловленную «любовью к анекдотам», новеллистическим мышлением писателя. И Виньи, и Мериме разбили роман на множество глав, снабдив их заголовками и эпиграфами, формирующими интертекстуальную полисемантику текста, связывающую жанрово и проблемно-тематически каждый из романов с изображаемой эпохой.

У Виньи и Мериме заглавие романа спроецировано на названия глав, которые, интригуя читателя, позволяют увидеть этапы разворачивающейся интриги. Заглавие в обоих произведениях выполняет функцию исторической и событийной конкретизации, обладает скрытой или открытой авторской оценочной семантикой. Жанровая поэтика романов формирует «прерывное» и в то же время дискретное время. Снабженные эпиграфами, углубляющими диалогизм звучащих в произведении мотивов, главы обладают собственной структурой, – чаще – сменяющих друг друга сцен и картин, определяют ступенчатое развитие основного исторического и сюжетного конфликта, в который вписываются, в котором реализуют себя герои. Некоторые главы обладают почти новеллистической завершенностью, могут восприниматься едва ли не изолированно. На более позднем этапе развития жанра исторического романа подобный материал ляжет в основу циклов, будет разворачиваться в самостоятельные части масштабного романного целого (у Жорж Санд, А. Дюма, Э. Сю).

Названия глав выстраивают интригу; заглавия – объективируют позицию повествователя – историка и романиста, маркируют и формируют на основе создаваемых художественных миров горизонты жанровой эволюции различных модификаций исторического романа.

Заглавие, по выражению У. Эко – «ключ к интерпретации» – составляющее семантики текста, в восприятии читателя выполняет прогнозирующую функцию, обнаруживает разнообразные векторы моделирования жанра, – модусы – окраску жанра – не только внутри произведения, но и в межтекстуальном, интертекстуальном пространстве литературы. Заглавие – часть «порождающей стратегии, использованной автором» [5, с. 13]. Оно требует читательского сотворчества, всегда служит материалом для разнообразных подходов и толкований, находится в диалогических отношениях с содержанием, которое предваряет, меняет свою семантику в процессе смены эпох. Исторический роман 1820-х гг. современным читателем воспринимается как огромный метатекст, в пространстве которого есть целостность и находят проявление разнонаправленные тенденции, устремленные, в том числе, к горизонтам массовой литературы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Веселова, Н.А. Литературно-художественный текст: Антология и поэтика / Н.А. Веселова. – Тверь, 1998. – 236 с.
2. Кржижановский, С.Д. Поэтика заглавий / С.Д. Кржижановский. – М., 1931 – 32 с.
3. Реизов, Б.Г. Французский исторический роман в эпоху романтизма / Б.Г. Реизов. – Л., 1958. Гл. 2. – С. 69-259.
4. Шеффер, Ж.-М. Что такое жанр / Ж.-М. Шеффер. – М. : Едиториал УРСС, 2010. – С. 174.
5. Эко, У. Роль читателя / У. Эко. – М., РГГУ, 2005. С. 13. – 501 с.
6. Atelier de Fabula. <http://www.fabula.org/atelier.php?Paratexte>
7. Canvat, Karl. Genres et pragmatique de la lecture / Karl Canvat. – http://www.fabula.org/atelier.php?Genres_et_pragmatique_de_la_lecture
8. Sainte-Beuve, Ch. Chateaubriand et son groupe littéraire / Ch. Sainte-Beuve. – P., 1982. Т. 2. – С. 15.

Материал поступил в редакцию 03.07.17.

FRENCH HISTORICAL NOVEL OF THE 1820 s: POETICS OF TITLES

N.A. Litvinenko, Doctor of Philology, Professor
Moscow State Regional University, Russia

***Abstract.** The titles as well as the other components of the structure of the historical novel of 1830s are involved in explaining the meaning, genre form and intertext; they play important part in creating – on a national historical basis – the poetics of the genre of popular literature not just of the 19th century. The titles shape the level of the readers' expectations and have dialogical connection with the text they precede, as well as with the readers of different eras.*

***Keywords:** title, historical novel, structure, poetics, genre.*

УДК 80

ОТ ВОЛЬНОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ К РАБСТВУ РЕЧИ (ПОЛЕМИЧЕСКОЕ РАССУЖДЕНИЕ В СВЕТЕ МЕТАФОР ЯЗЫКА) *

А. Микулашек, доктор философии и педагогики
Университет имени Константина Философа в Нитре, Словакия

Аннотация. Данная статья представляет собой полемическое рассуждение в свете метафор языка.

Ключевые слова: метафора, свобода, рабство, речь, язык.

*«Тот, кто свободы достоин, – и чуждых оценит свободу.
Цепи кующий рабам, – сам есть невольник и раб.»
Ян Коллар*

*«Как вольность, весел их ночлег
и мирный сон под небесами»
А.С. Пушкин*

Ян Амос Коменский (28-ого марта 1592 г. – 15-ого ноября 1670 г.) в своём барокковом романе «Лабиринт света и рай сердца» (конкретно в 32-ой главе, названной «Путник наблюдает тайные суды и управление миром») изображает какой-то суд с общественным злом, «грехами», преступлениями, которые персонифицированы лицами в качестве Пьянства, Скаредности, Лихоимства, Разврата, Гордыни, Жестокосердия, Лениности или Безделья. Её Милость, царица Мудрость, решила «на веки вечные изгнать за пределы её царства, а именно Пьянство, Алчность, Корыстолюбие, Распутство и других, которые с сего часа да не смеют более здесь показываться под угрозой смертной казни», что вызвало немалую радость и надежду тамошнего народа (включая Путника, рассказчика аллегорического романа). Но радость не длилась долго, ибо «комиссары царицы, Небрега и Верхогляда, к которым для пущей важности приставила из царской свиты Умеренность», потом рука об руку переименовали зло и пороки, которых следовало изгнать, и эти стали сразу чем-то достойным. Из Пьянства устроили «Рауш или Веселье», Алчность стала медиумом языка Бережливостью, Лихоимство переименовали в Барыш, Распутство стало Милостью, Гордыня оделась в вуаль Важности (и внешне с ней соединилась), Жестокосердие начало себя звать Строгостью, Лениность сразу называлась Благодушие и т.д. Явления, заслуживающие осуждения, стали протым фокусом языка чем-то достоверным, приобрели общественный почёт. Слова освободилась от реальности, стала симпатично выглядывающей маской на отвратительно выглядывающих лицах.

В просторе языка неоднократно используются похожие методы как «переименование». Речь идёт, например, о эвфемизме, который правда только смягчает негативные аспекты реальности, когда выражение «умер» представляется в виде выражения «канул в вечность», причём важно то, что факт смерти-ухода не меняется, только является общественно приемлемее. Это «переименование» имеет роковые последствия не только для Мира Я.А. Коменского. Одновременно перерастает (или вливается) во вторую языковую уловку, когда одно и то же является преувеличенным или угнетаемым, медиумом звука, письма или изображения оцениваемым, обсуждаемым, критикуемым или хвалимым, восхваляемым или осуждаемым.

От переименования Жестокосердия в Строгость близко к иной матрице, на основе которой

«вольный мир» реальность Путнику толкует и внушает. «Одно и то же» не является «одним и тем же», если «одной и той же» правдой овладеет «волшебник слова», демагог и мастер манипуляции. Для упрощения представим его себе как Пиштика (Squearel) из Фермы животных (Animal Farm) Джорджа Оруэлла. Умный, хоть бы по сравнению с остальными животными, чересчур интеллигентный, мастер подсовывания замыслов, передвижения значения предложений и понятий, цензуры и долгосрочного программирования сознания остальных животных на ферме, прежде всего многочисленных овец. Не случайно Наполеон запрещает животным использовать в общении обращение «товарищ», не случайно запрещён гимн Звери Англии, из флага фермы животных исчезает «рог и копыто» и ферма и названием меняется обратно в ферму Усадьбу: режим свиней не скомпрометируется перед помещицким режимом, хотя его свиньи сначала помогали свергнуть.

Не будет подобным способом «переименовано», «актуализировано» и «двойным метром» обсуждаемо и слово Свобода, мантра нашего западного мира? Классик немецкой идеалистической философии Г.В.Ф. Гегель якобы некогда утверждал, что свобода есть сущность человека, но каким-то парадоксом нам сущность человека, провозглашаемая Гегелем, стала как-то чуждой: мы живём в добровольно обязательном рабстве хозяев планеты, боссов, олигархов, своих ипотек, их цен и рекламы, но и собственных, хотя имплантированных предрассудков, стереотипов, школьной и медиальной манипуляции, мы рабы, обслуживающие верхушку, мы рабы визжащих «элит», авторитетов, которых мы не выбираем и не можем выбирать, но которые выбирают нас на рынке как хищник свою добычу, из которой он может выжать прибавочную стоимость. Для Путников в этом мире как будто не было места... Но ключевую роль в мире обмана и притворства, суггестии и гипноза имеет слово Свобода и из него исходящие ценности, превращенные в клише как Независимость, Вольность, Право, Суверенитет и т.д. Свобода есть понятие, которое было и остаётся наиболее используемым (и вместе с тем злоупотребляемым) в нашем культурном дискурсе, и если нужно что-то проблематичное или даже преступное обосновать и представлять как что-то достоверное и благоприятное, подходит понятие Свобода. И особенно «Свобода выражения». Не издают ключевые издательства ваши книги? Не берут ваши книги в распределение? Было на вас введено эмбарго в радио и телевидении? Вы не можете публиковать в большинстве литературных журналов и мейнстримовых медиах? Не пишут о вас пресс-агентуры? Вы сразу же услышите срочный визгливый ответ: они ведь ни в чём не виноваты, ибо наши СМИ являются свободными и могут сами решать, кого и когда будут публиковать. Словацкий поэт и драматург Павол Яник в радиопьесе «Без барьеров» в 2005 г. изображает, как функцию цензора принимает человек обозначаемый сленгом как «океяк». (Речь идёт о переименовании понятия, о целенаправленном эвфемизме понятия цензура, которая в свободном мире даже конституционно «недопустима».) Его функция сатирически ре-дефинирована этими словами: *«Океяк есть свободный человек, который свободно одобряет свободные статьи в свободном вещании свободного радио, которое свободно называется Свободный мир»*.

По своим собственным словам, Яник при планировании пьесы инспирировался судьбой Рейнхарда Гелена, во время второй мировой войны видного нацистского генерала и во время холодной войны видного шефа западногерманской тайной службы. Интересно, что пьеса Яника была руководством (свободным) Словацкого радио (свободного) запрещена: пьесу нельзя было репетировать и вообще не транслировать. Вмешался цензор, вернее «океяк».

Этот тезис можно иллюстрировать многими следующими примерами, которые объясняют семантический контекст слов и метафор, как свобода, свободный выбор, право на свободу, ответственность к свободе и т.д. Я выбираю не литературные примеры, но медиально презентованные: в центре города умирает человек на улице, без средств к жизни, обшарпанный, долгое время невымытый, но около него проходят люди совсем без интереса, как будто их смерть другого вовсе не касалась. Искренний сторонник права свободы выбора будет убеждён (используя свободу слова), что этот «подозрительный субъект» всё-таки – как каждый

в свободном мире – свободен, он имеет право выбрать свой собственный путь, и он его свободно выбрал.

Ответственность государства или общества он бы никогда не признал. Сжётся какой-то отчаянный индивид или политический активист на площади в знак протеста против режима, который его снял с работы (из-за возраста, пола, расы, кризиса...) и бросил его в долговую ловушку и бедность? Он сам ведь остановил выбор, услышите тот же голос, и решил как свободный, хотя несомненно сумасшедший, если он выбрал такую ужасную форму самодеструкции.

И если кого-то сняли с работы, потому что он был пожилой, больной, не устоял шиканирования со стороны работодателя, или он проявил только иные взгляды, чем его босс? Ведь его работодатель, ответит снова тот же либеральный визжащий, согласно «Наважде-нию» из Коменского «Лабиринта», есть индивид свободный и может сам решить, если ему «даст» работу, или «возьмёт».

Это понимание свободы связано также с достоинством человека, обсуждением и саморефлексией. Если индивид питается работой своих рук, можно на него глядеть как на кого-то, кто свободно выбрал свой жизненный путь и не был способен стать успешным предпринимателем. Свобода понимается в либеральной рефлексии как метафора – продажная женщина, которая служит мощным и богатым. Уже романтический русский писатель Александр Сергеевич Пушкин тематизировал в поэме «Цыганы» (1827 г.) конфликт между мирами: первый репрезентирован Алеком, который мечтает о свободе, но не способен «подарить» её другим, уважать её как ценность, не только как своё право. Поэтому он убеждён: *«От прав моих не откажусь! Или хоть мщеньем наслажусь.»* И это эгоистическое понятие свободы своего персонажа автор доводит в последствии, когда позволяет Алеко убить свою любовницу и её поклонника. «Ты для себя лишь хочешь воли,» комментирует его «ужасный» поступок старый цыган, седой отец, и несмотря на явную идеализацию кочевой цыганской жизни, проявляет нравственное превосходство «свободных людей» над «свободным миром», свободу приватизирующим для себя как право «обладать» другими как собственностью своей и распоряжаться их жизнью. Настоящий Мастер чешского афоризма Иржи Жачек написал: *«Единственная разница между военным героем и военным преступником, сказал кто-то / при просмотре войны в прямом эфире, / состоит в том, что герой воюет на нашей стороне, / но преступник служит врагу.»* Одно и то же, например, сецессия определённой территории и основание новой государственности является в одном случае законным «предъявлением права на самоопределение» (так наз. Косово и Фолкленды, точнее Мальвины), во втором незаконным «сепаратизмом», даже «аннексией и агрессией» чужой державы (возврат Крыма в состав Российской Федерации).

Похожих в глаза бросающихся абсурдов «свободного мира» можно найти много. Рисование карикатур есть в одном случае предъявлением права на свободу выражения (например, что касается карикатуры Пророка), во втором случае идёт речь о выражении преступной ненависти и обид (что касается карикатур израильских или американских евреев, изображаемых как банкиры или военные убийцы). Самосожжение индивида из политических (религиозных, экономических, этических) причин является в одном случае проявлением героического поступка, достойного торжества и восторга, во втором случае это выражение психически неуравновешенного и вообще больного человека, короче говоря безумца (о котором никакой «мастер ручки», ни журналист, писатель, учитель второй день не вспомнят – так же как его читатели и слушатели). Не называется ли это «двояким метром»? Двоякими стандартами? Или уздой Всеведа Вездесуща, – слуги Её Милости, царицы Мудрости, прозванной Суэта.

В январе этого года (2015 г.) были наши европейские города переполнены лозунгами «Je suis Charlie», написанными белым шрифтом на чёрном фоне. Запад проявлял солидарность с убитыми редакторами сатирического журнала Charlie Hebdo (события являлись широко медиализированными). Но никто из официальных лиц не проявил ни капли солидарности с русскими детьми, убиваемыми на востоке Украины, и предложение «Я Ваня»,

т.е. Иван Воронов, никто бы даже не сумел расшифровать. Мало кто знал, что этот лозунг обозначает, эта аллюзия на мальчика, которому взрывом оторвало обе ноги и руку, его пятилетнего брата даже разорвало взрывом украинской гранаты где-то в Донецке. Одни и те же вооружённые лица с РПГ и автоматом являются в одном случае бойцами за свободу, например, против так наз. советской оккупации, во втором случае террористами (если против них воюют армии государств НАТО). пытки переименованы «свободным миром» в «специфические формы допроса», убивание мирных жителей украинской или израильской армией называется «боем с терроризмом», жертвам или их близким присуждена чужая вина за смерть, и они осуждены обществом.

Те, кто решают проблему преступления и наказания, бытия и небытия, могут также убивание мирных жителей и разрушение их домов цинично обозначить как справедливое наказание тех, кто «это заслужил» (как сепаратисты, исламисты, сторонники диктатора и т.д.). *«Посредники вели переговоры/ кошёлечное перемирие. / Три мерят? / Трояким метром!»* пишет чешский поэт Павел Йосифович Хейтко в поэтическом собрании «Памятники из асфальта». Смотреть через розовые очки конечно удобнее чем собственными глазами, особенно когда глаза не видящие, если нам с рождения надеты шоры и узда.

Похожих случаев цинизма мира, который бесконечно утверждает, что он свободный, хотя он свободу приватизировал как своё право и требование, можно назвать сотни и тысячи. Подобным способом трактуют все ценности «свободной культуры», т.е. прокламированную равноправность, индивидуализм, демократию, права человека, эмансипацию и т.п., ценности, которые были посредничеством языка переименованы в праздные фразы. Можно их просто «переименовать» и трактовать их в лабиринте мира и слов, как владельцы права на свободу сочтут полезным. Из равноправности можно сделать уравниловку, право индивидуальности выдвинуть в произвол индивидуума, из свободы можно создать право сверхчеловека, из прав человека учесть только право владеть и потреблять. Войну можно изображать как серию художественных эффектов, похожих на великолепный фейерверк, или как выражение свободного мира в борьбе с диктатурой, коммунизмом, неволей. Даже смерть от напалма, военные преступления на территории Вьетнама во время американской агрессии можно «переименовать» в освобождение, в борьбу за свободу, освобождение от всех страданий и бед в этом мире. Смерть открывает ворота совершенной «жизни».

У современного чешского поэта есть, как у других людей, определённая «сумма» формальных прав и свобод. Если он «чувствует уважение к конституции», он может издать, например, собрание, написанное на компьютере (тираж которого в количестве десяти или двадцати экземпляров раздаёт своим друзьям). Он может со скопленными деньгами зайти к частному типографу или издателю и попросить его об издании книги в так наз. малом тираже в количестве пятидесяти или ста (двухсот или трёхсот?) экземпляров, и потом их раздавать или продавать по интернету или книжным магазинам. Он может просить о спонсорскую помощь или о помощь министерства культуры, надеяться на протекцию или «близость достоинств» министерских «океяков». Он даже может увенчаться успехом, если у него будут правильные знакомства. И он способен заплатить издателю. Но общественный и читательский отзыв? Никто о собрании ничего не напишет, никто о нем ничего не разузнает, и будет ли оно слишком провокационное, будет осмеяно «свободной литературной прессой». Поэт может, конечно, встать на площади Свободы и свободно декламировать свои стихи, или общаться с прохожими, садиться в кабаки и беседовать с гостями, ставить им вопросы, как когда-то Сократ, но только в лучшем случае будут его воспринимать как безвредного дурака. Слово девальвировало, опустело, мы не способны ни творить, ни воспринимать. Если поэт захочет сжечь себя и свой поступок завершит, будут его политический акт (самодеструктивный и бесполезный как все самосожжения) воспринимать как проявление психического заблуждения.

В лучшем положении находятся торговцы со словом, к которым поэты, однако, не принадлежат. Они свободно пишут о том, чего от них хотят слышать, что авторитеты готовы

спонсировать, и со стилем, который требуется. За культом яства и секса стоит всегда тень предустановленной «свободы», толкуемой как латентное право на всё, произвол. Она почти приближается праву сверхчеловека, разумеется того, который является частью «сверхчеловеческой» элиты. Если кто-нибудь это всё не уважает и ставит под сомнение, например, тот факт, что так наз. бархатная революция в Чехии была только реставрацией дикого и жестокого капитализма, может вскоре стоять на краю общества, на периферии и стать интеллектуально и иначе мёртвым. Для кого вы хотите свободы, спрашивает писатель, когда кто-то снова проповедует необходимость хранить свободу шаржировать Пророка Мухаммеда. Мы можем ответить за него: вы хотите её не для нас, но для себя и своих интересов. За речами о свободе скрывается стремление индивида или группы индивидов подчинить себе тех других и приобрести за их счёт выгоду, деньги, политическую и экономическую мощь.

И всё-таки существует один принцип, который должны уважать все культуры и цивилизации на этой планете, если они хотят жить в мире. Его трудно ставить под сомнение и вообще его нельзя мерить двояким метром, метром надправ планетарных Наполеонов и «Пишников». Его сущностью является толерантность, нравственная аксиома не только философов: «Не делай другому того, чего себе не пожелаешь». Только так негативно мы можем освободиться от произвола, высокомерия, ненависти, догмы непогрешимости и приватизации правды – не в последнюю очередь тоже догмы свободы как права сильного на (почти) всё. Уважай свободу другого человека как свою собственную. Не оскорбляй, если не хочешь быть оскорблённым. Не убивай, если не хочешь, чтобы убивали твоих детей. Защищайся от насилия хоть бы и насильственными средствами, но насилия не рождай.

Если темой нашей встречи (т. е. Конференции вьетнамских писателей) является мировая коэкзистенция культур, и западная культура входит несомненно в состав мультикультурного мира, эта аксиома должна быть введена в жизнь раньше, чем в скором будущем погибнет последний человек, отчаянно реющий в пустыне, в которую переменялась наша планета после третьей мировой войны, что хоть и умирает, но как свободный человек... в свободном мире... в мире, освобождённом от всех людей и всех форм жизни!

* Статья представлена в авторской редакции.

*Написано для Конференции вьетнамских писателей, которая проходила с 1 по 7 марта 2015 г. в Ханое.
Переводчица Алена Микулашкова*

Материал поступил в редакцию 15.05.17.

FROM FREE SPEECH TO RESTRICTED SPEECH (POLEMIC DISCUSSION IN TERMS OF LINGUISTIC METAPHORS)

A. Mikulashek, Doctor of Philosophy and Pedagogics
Constantine The Philosopher University in Nitra, Slovakia

Abstract. *This article represents a polemic discussion in terms of linguistic metaphors.*

Keywords: *metaphor, freedom, slavery, speech, language.*

УДК 821.133.1-95

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ТВОРЧЕСТВЕ МОРИСА БАРРЕСА

Н.Н. Степанова, кандидат филологических наук, доцент
Кафедра французского языка, филологический факультет,
Санкт-Петербургский государственный университет, Россия

***Аннотация.** В статье рассматривается вопрос о национальной идентичности в современной Франции, а также и рубежа XIX-XX вв. на примере творчества Мориса Барреса. Разрабатывая теорию органического детерминизма, Баррес приходит к выводу, что отдельная личность, прежде всего, должна принадлежать одной и той же расе. Для сохранения чистоты расы необходимо бороться против чуждых элементов, нарушающих ее целостность. Националистическая доктрина «Земля и мертвые» явилась теоретической программой, которая у Барреса обрела формы возврата к родным истокам, к региональной солидарности, призыва к защите родной земли.*

***Ключевые слова:** французский национализм, теория детерминизма, национальная идентичность, этнофобия.*

Национальный вопрос во Франции всегда имел первостепенное значение наряду с другими животрепещущими проблемами. В декабре 2009 года во Франции прошли дебаты по вопросу о национальной идентичности «*identité nationale*». Государственный секретарь по делам семьи и солидарности, Надин Морано, оказалась в центре полемики после того, как высказала свои соображения по отношению к мусульманам: «Я хочу, чтобы молодой мусульманин любил Францию, раз он живет в этой стране, чтобы он нашел себе занятие, не говорил на *verlan*¹ и не носил каскетку задом наперед». Заявление г-жи Морано было рассмотрено как давление государства на иммигрантское сообщество с целью навязывания его членам принятой во французском обществе модели поведения.

В решении данной проблемы политические партии определили свои позиции. Так от партии «Зеленых» свое негодование высказала Джамия Сонзони: «После запрета на хиджаб «*de voile*» и паранджу «*la burqa*» теперь взялись за каскетки!» Партия коммунистов потребовала «отстранения от занимаемой должности» министра по делам иммиграции и «немедленного прекращения» развернувшейся дискуссии по национальному вопросу, которую начали «правые» силы. Депутат от партии социалистов Арно Монтебур оценил дебаты как «политическую акцию, с целью настроить французов друг против друга и разжечь национальную и культурную рознь». Социалист Бенуа Амон считает, что заявление г-жи Морано содержит в себе открытый шовинизм. Социалисты пришли к следующему заключению: «В этой стране уже никого нельзя считать французом!». Они потребовали отставки г-жи Морано. Ее обращение они рассматривают как навязывание иммигрантскому сообществу принятой во французском обществе модели поведения. Между тем член регионального совета по мусульманскому вероисповеданию в Лотарингии Ахмед Белляль выступил в поддержку г-жи Морано, которая, по его мнению, «абсолютно ни чем не оскорбила мусульманскую религию» [Libération, 15 décembre 2009].

На сегодняшний день значительная доля иммигрантов приходится на выходцев из бывших французских колоний. Среди иммигрантов арабского происхождения существуют сильные общинные связи, которые препятствуют их ассимиляции. Возникновение внутри французского общества партикулярных сообществ, обладающих коллективной идентичностью, воспринимается как угроза самой национальной идентичности Франции.

В конце 80-х годов находившиеся у власти социалисты вырабатывали стратегию интеграции мигрантов, которая означала безусловное принятие ими законов и основополагающих принципов Республики. При этом сохранялись права мигрантов на культурную специфику своего народа. Однако эти меры не привели к разрешению проблемы «национальной идентичности», а стало быть, данная тематика еще сохраняет свою актуальность и привлекает к себе внимание.

Примечательно, что дебаты проходили в провинциальном лотарингском городе Шарм департамента Вогезы, родном городе Мориса Барреса (1862-1923), писателя, националиста и антидрейфусара. Этот факт еще более усилил полемику и вызвал бурю негодования. Так пятьдесят активистов от партии левых собрались перед мэрией города Шарм, чтобы заявить о своем протесте. Г-жа Морано поспешила заверить общественность в том, что инициаторы проведения дебатов не преследовали цель, чтобы «реабилитировать Мориса Барреса», а Шарм сделать местом паломничества. В интервью газете «Либерасион» от 15 декабря 2009 года г-жа Морано высказалась против любых предпочтений: «Шарм – это тоже Франция, и я бы поехала в Виши обсуждать вопрос о национальной идентичности. Ни один регион в любой части Франции не освобожден от обсуждения этого вопроса» [Libération, 15 décembre 2009].

Сегодня перед французским обществом вновь стоят те острые проблемы, которые уже решались в XIX веке: должна ли Франция стать открытой нацией или стремиться к всевропейской организации общества? Стоит ли придерживаться латинской традиции и сделать ее единственной общественной основой? Обострившийся в последние годы интерес к проблеме национальной идентичности во Франции дал повод вспомнить Мориса Барреса. В 1890-900-х годах он пользовался большой популярностью и не знал соперников. Позже, когда стали выдвигаться новые интеллектуальные вожди, такие как Жид или Пеги, его влияние все еще было велико. Л. Арагон в статье «Баррес в наши дни» писал: «Он был властителем дум нескольких поколений» [Арагон, с. 360]. Добрая половина французской литературы XX века прямо или косвенно берет начало от Барреса: Монтерлан, Мальро, Дрие ла Рошель, Мориак, Камю, Кокто, Арагон.

Обращение к творчеству Барреса по национальному вопросу показывает, что стоящие перед Францией проблемы в указанной области имеют корни, уходящие в далекое прошлое, и в определенной степени связаны с особенностями исторически сложившегося у определенной части французов понимания нации.

Морис Баррес принадлежал к людям, одержимыми националистическими идеями. История его творчества, его политический опыт позволяют понять причины возникновения и дальнейшего развития французского национализма, представляющего собой одно из новейших явлений конца XIX века.

Национализм, старая и, можно сказать, излюбленная тема Барреса. «Сначала национальное сознание, а затем энергия, – писал Баррес в 1896 году в своих «Тетрадах». – Иметь национальное сознание, чувствовать прошлое страны, желание тесно слиться с этим прошлым» [Barrès, I, pp. 93-94]. Эти фразы звучат словно призыв. Воплощением его устремлений явилась доктрина «Земля и мертвые», в которой отразились специфическим образом особенности общественно-политического состояния Франции *fin de siècle*. К тому же определяющим фактором доктрины стал собственно барресовский способ чувствовать, т.е. индивидуальное восприятие писателем происходящих событий.

Стихийный юношеский бунт против мещанской рутины и попытка вырваться из мира бездуховности завершается вскоре примирением с этим миром, подчинением ему. Баррес начинает во многом отрицательно относиться к свободному индивиду, являющемуся сам себе целью, который превращается в лишнюю всякого самостоятельного значения социальную единицу, готовую тотчас же погибнуть, как только естественная связь ее с общественным организмом прервется. И тогда жизнь его потеряет всякий смысл, и он, несчастный, бессильный и никому ненужный, превратится в игрушку случайностей. Поэтому, чтобы

избежать гибели, индивид не должен отрывать от отечественной почвы, на которой вырос. Иначе он окажется беспочвенным «*déraciné*», словно дерево, вырванное с корнем. Лотарингия, «малая родина» Барреса, становится синонимом почвенности и традиционализма. Совершенствование человека возможно лишь на основе местных традиций, складывавшихся веками и не отменяемых ни самыми справедливыми государственными законами, ни какими-либо другими социальными переворотами. Баррес вынашивал идеал изолированного «*une société fermée*» и статичного общества, которое должно сохранять свою чистоту и препятствовать влиянию чужого.

«Тетради» свидетельствуют и о другом замысле Барреса: сделать стабильным не только современное французское общество, но также и его культуру, тем самым, предопределив его будущее. В марте 1905 года Баррес писал: «Я предполагаю, что, окунувшись во французскую традицию, почувствую полное счастье. Я вижу в нашей истории, в нашей литературе, где царят порядок и чувство чести, свою настоящую сущность. Любое перемещение этих сил нанесет вред моему счастью и нарушит планы. Я жажду, чтобы Франция, точнее французский идеал – идеал Ронсара, Расина, Шатобриана, Корнеля, Наполеона – продолжал цвести. Я не хочу, чтобы он искажался. Вот почему я консерватор и не желаю, чтобы кто-то расшатывал французское государство» [Barrès, IV, pp. 69-70].

Когда молодой Баррес в 80-е гг. начинал свою литературную карьеру, французский национализм еще был символом национального единства. Молодой Баррес мечтает о всевропейской и мировой организации общества. Он еще далек от большой политики и идей Поля Деруледа в отношении франко-немецкого вопроса, от консервативного и воинствующего национализма. Театральный патриотизм Деруледа казался Барресу слишком вульгарным [Sternhell, 1972, p. 30]. Такому патриотизму Баррес противопоставлял стремление к интеллектуальному содружеству и не делил людей по национальному признаку.

Баррес предлагает построить «площадь Европы», которая бы послужила украшением для космополитизма [Sternhell, 1972, p. 30]. «Мы имеем интеллектуальных отцов во всех странах», – писал Баррес в 1885 году в первом номере «Таш д'анкр» – Кант, Гете, Гегель имеют право быть первыми среди нас» [Sternhell, 1972, p. 30]. Баррес представлял себе европейскую культуру в виде «гармоничного ансамбля», основанного на трех нациях: французской, английской и немецкой [Sternhell, 1972, p. 31].

В период с 1886 по 1888 гг. Баррес печатается в газете «Вольтер», которая имела республиканскую и антиклерикальную ориентацию. Сознанием молодого журналиста владела мысль о тесном культурном единстве в Европе. Цивилизованный мир представляется ему удивительным музеем, в котором «Германия образует один из самых интереснейших залов» [Sternhell, 1972, p. 31]. Духовное единство Европы казалось Барресу настолько естественным и необходимым для современной цивилизации, что превратности интернациональной политики не смогли бы ей причинить никакого вреда. «Каковы бы ни были события в политике – три народа возглавляют цивилизацию настоящего века: Франция, Великобритания, а также Германия» [Sternhell, 1972, p. 31].

Накануне дела Дрейфуса, в 1895 году, отвечая на анкету «Меркюр де Франс» о культурных связях между Францией и Германией, Баррес еще заявлял: «Никогда обмен идей не прерывался между Францией и Германией, которые умели извлекать из этого содружества пользу [...] Это непрерывное проникновение идей. Они переходят от одного народа к другому, а затем, видоизменяясь, возвращаются снова, чтобы обогатить друг друга, и так бесконечно» [Sternhell, 1972, p. 33]. Культурный шовинизм был чужд Барресу: «[...] нет такой цивилизации, у которой бы я не был должником» [Barrès, 1960, p. 19]. В этом плане он считал себя европейцем. Его «Тетради», насчитывающие четырнадцать томов, пестрят именами немецких философов, писателей, поэтов, музыкантов: Кант, Гейне, Гете, Вагнер. Ими восхищался Баррес, у них он учился.

На долгом творческом пути Барресу пришлось столкнуться с разными идейными и художественными направлениями, испытать на себе их влияние, самому формулировать

новые эстетические принципы и оказывать влияние на других. Французская интеллигенция глубоко переживала духовный кризис, который в немалой степени был обусловлен появлением новых или обновленных учений второй половины XIX века. Новые идеологии, выступившие в это время, представляли реакцию против идеи научного познания второй половины XIX века: против утилитаризма в Англии, позитивизма во Франции, материализма в Германии. Этот период был отмечен появлением живейшего интереса к иррациональному, превратившемуся затем в культ чувства и инстинкта. Одним из величайших открытий идеалистической философии конца XIX века стало понятие бессознательного.

На ранних этапах своего творчества Баррес в значительной степени вдохновлялся тем, что нашел готовым в системе своих учителей: И. Тэна, Э. Ренана, Ж. Сури, Огромное влияние на писателя оказал французский ученый, представитель школы «физиологической» психологии, Жюль Сури (1842-1915), которому Баррес посвятил два первых тома своих «Тетрадей». В ноябре 1891 года А. Франс пишет статью о знаменитом физиологе [France, 1949, pp. 320-332]. Научный труд Ж. Сури «Центральная нервная система» (1889) имел широкий резонанс в литературных кругах. Эта работа представляет собой солидный двухтомный труд, в котором ученый-физиолог описывает теорию центральной нервной системы, начиная с возникновения науки в Греции и кончая современной эпохой [Soury, 1889].

Разрабатывая теорию психологического детерминизма, Сури отмечал следующее: «Так же, как и вселенная, любые другие явления, даже самые незначительные, не возникают случайно, так как мир управляется фатальными законами, являющимися абстрактными выражениями естественных отношений вещей» [Sternhell, 1972, p. 257]. Сури неустанно возвращается к теме о «фатальных законах», согласно которым за человеком не остается право быть свободным арбитром истории, и он становится лишь простым винтиком в том универсальном механизме, каким является вселенная.

В отношении роли разума Баррес прямо следует за автором «Центральной нервной системы»: «Разум, как незначительная вещь, лежит на поверхности нас самих! Некоторые немцы не говорят «я думаю», а «он думает во мне». По сути, мы являемся аффективными существами» [Barrès, 1897, p. 319]. Баррес утверждает, что «разума не существует, он только результат, функция результата». [Barrès, I, p. 90]. Признав фатальность как движущую силу развития вселенной, Баррес отказывается от рационалистического аспекта мысли: человек лишен воли, он не способен создать иной мир, отличный от того мира, в котором жили его предки. «Индивид! Его разум, его способность познавать законы универсума! С этим нужно покончить, – писал Баррес, – Не мы являемся властителями мыслей, что рождаются в нас. Они не являются продуктами нашего разума. Они представляют собой всего лишь способ реакции, в котором проявляются очень древние физиологические склонности. Индивид самоуничтожается с тем, чтобы вновь обрести себя в семье, в расе, в нации» [Barrès, 1925, I, pp. 18-19]. Признать свою зависимость, встать в один ряд с предками, осознать силы, которыми определяется поведение человека – это значит осознать свое детерминированное положение. «Ничто мною не управляет, – продолжает Баррес в том же контексте, – я отдаюсь этому фатализму: мертвые руководят мною» [Barrès, II, pp. 241-242].

Влияние Сури также чувствуется в барресовской теории наследственности. Отдельная личность, прежде всего, должна принадлежать одной и той же расе, т.е. являться наследницей физических и духовных качеств предков, качеств, не изменяющихся и в новых исторических условиях. «Я являюсь продолжением своих предков», – пишет Баррес в «Тетрадах». «Это подтверждается анатомически. Они мыслят и говорят во мне» [Barrès, II, p. 140]. «Я должен отказаться от претензий чувствовать и мыслить лучше, желать больше, чем желали мой отец и моя мать. Я – это они сами» [Barrès, II, p. 141]. Баррес руководствуется некими врожденными представлениями, иначе сказать бессознательными стереотипами мировосприятия, в рамках которых «человеческий разум скован тем обстоятельством, что мы всегда проходим по следам других, след в след. Имея одинаковый мыслительный аппарат, мы погружаемся в одну и ту же среду и поэтому должны реагировать одинаково» [Barrès, I, p. 77].

Для определения наследственного детерминизма Баррес использует термин «национализм» [Figaro, 4 juillet 1892], придуманный им самим, а «националистом является лишь тот француз, который осознал свое происхождение» [Barrès, 1925, I, p. 10]. Культ предков, воплощением которого стала французская правда, используется против тех, кто не включен в длинную цепь поколений французов. Таким образом, Баррес делит мир на две части, на людей, которые близки ему по духу, и людей, чуждых ему. Любая аргументация будет так или иначе отвергнута в период серьезных столкновений.

Когда Баррес касается таких понятий, как «раса», «нация», в его национализм включается этнофобия – комплекс негативных реакций в отношении тех или иных этнических групп. «Я думаю, что евреи представляют собой расу, более того, вид» [Barrès, II, p. 118]. Баррес принимает положение Жюль Сури о противоречии между арийской расой и семитской, о неполноценности последней, чтобы, наконец, найти объяснение предательству Дрейфуса, причина, которого, по его мнению, сокрыта скорее в физиологическом факторе. Об этом Баррес заявил без колебаний в 1899 году на процессе в Ренне. «Я считаю Дрейфуса предателем по причине его происхождения» [Barrès, 1902, p. 152].

Взгляды Барреса на еврейскую национальность формировались не только под влиянием Ж. Сури, но и Э. Ренана. В частности, его привлекла «Общая история семитских языков» Ренана. «Я первым признал, – цитирует он Ренана, – что семитская раса в сравнении с индоевропейской представляет в действительности комбинацию низшего уровня в человеческой природе» [Barrès, II, p. 119]. И далее в том же духе, что «семитская раса узнается единственно по негативным признакам. У нее нет ни мифологии, ни эпопеи, ни науки, ни философии, ни литературы, ни изобразительного искусства, ни гражданской жизни» [Barrès, II, p. 119]. Основываясь на этом заключении, Баррес приходит к выводу, что «Этика» Спинозы всего лишь «поэма, а не наука» [Barrès, II, p. 143]. Отрицательное отношение к евреям всегда исходило из традиционного взгляда на эту нацию.

Оправдание Дрейфуса дискредитировало государственные институты, бросало тень на армию. Юридическая ошибка привела к немедленному решению глобальных вопросов в области политической философии. Что есть правда, справедливость? Что такое нация и раса? Каковы права общества над индивидом, каковы пределы политического подчинения и государственных интересов? На несколько лет Франция стала родиной для тех, кто, так или иначе, чувствовал себя вовлеченным в дебаты по еврейскому вопросу. Дело Дрейфуса способствовало размежеванию французского общества. Борьба между двумя лагерями шла уже вне парламента и генерального штаба армии. Баррес отмечал в «Тетрадах», что именно здесь в Ренне, настоящее поле битвы. Россия и Германия не знали подобного [Barrès, II, p. 118]. Очень быстро социальный антисемитизм принял размах этнического характера. В обществе распространялось мнение, что семитская раса имеет намерение подавить галльскую расу, и в этом случае вопрос касался не религии, разделяющей нации, а речь шла о «войне рас» [Barrès, 1925, I, p. 41].

В период дела Дрейфуса национализм Барреса достигает своего апогея и становится жестко консервативным. Универсализм, как философский принцип, на котором была построена Третья республика, уже не представлял былой ценности. Баррес отрицает существование любой абсолютной моральной нормы: «Нет абсолютной правды. Есть только относительность» [Barrès, II, p. 163]. В деле Дрейфуса он делает различие между «юридической правдой» «*vérité judiciaire*» и «чистой правдой» «*vérité pure*». Вопросу о юридических доказательствах Баррес отводит второе место. Он ждет решения трибунала, который объявит первую «правду» согласно «законам страны» [Barrès, 1925, I, p. 38], рассматривая ее в «отношении величия государства» [Barrès, III, p. 6].

Баррес постоянно цитирует Сури в «Тетрадах»: «Правды, правды, их нет». Есть только одна, для каждого человека. И никогда не будет по-другому» [Barrès, I, p. 88]. Итак, нет объективной справедливости и общих критериев, которые возможно было бы применить к каждому индивиду при любых обстоятельствах: «Каждый человек, – считает Баррес, – который

приспосабливается к реальности, видит, что не может заставить действовать в ней абсолютной справедливости» [Barrès, I, p. 115]. Если нет другой правды кроме французской [Barrès, 1925, I, p. 113], – настаивает Баррес, – то такие понятия, как добро и зло, должны рассматриваться в соответствии с национальными императивами» [Barrès, 1925, I, p. 64]. Стало быть, абсолютной справедливости существовать не может. Она, как и правда, обуславливается национальным императивом и существует только внутри каждого рода. Поэтому о Дрейфусе, как о представителе смешанного типа, следует судить, исходя из французской морали и справедливости.

В национализм Барреса включается антиинтеллектуализм, который появляется с «Делом» и заканчивается с началом войны. В период, предшествующий «Делу», понятие интеллектуал и интеллектуализм абсолютно не имели отрицательного значения. Сам Баррес называл себя «молодым французом-интеллектуалом» [Barrès, 1892, p.11], а также называл интеллектуалами своих любимых писателей – Гете, Байрона, Гейне [Barrès, 1892, p. 55].

В книге «Сцены и доктрины национализма» (1902) он писал, что «оргия метафизиков основательно пошатнула сознание страны» [Barrès, 1925, I, p. 84]. Имеются в виду университетские профессора, литераторы, журналисты, студенты, которые опубликовали коллективную петицию в поддержку Золя под заглавием «Протест». Баррес назвал это письмо «Протестом интеллектуалов». Этот момент можно считать рождением термина «интеллектуал», который звучал как оскорбление. Назвать кого-то интеллектуалом, значило обозначить его позицию как дестабилизатора государственных законов, человека, ставящего права индивидов выше интересов государства, предпочитающий справедливость – порядку.

Баррес опирается на основополагающий принцип, из которого следует, что «индивидуальный разум должен подчиняться национальному» [Barrès, 1925, I, p. 41]. Для поддержания «общественного порядка» необходимо строго придерживаться закона и проявлять к нему полное доверие. Между индивидом и коллективом не должно возникать никаких противоречий [Barrès, 1925, I, pp. 138;140]. Принимая такой тезис, Баррес оказывается сторонником порядка. Он возлагает ответственность на интеллектуалов за «отсутствие морального единства во Франции» [Barrès, 1925, I, p. 113], за анархию, которая расцвела пышным цветом. Это позволяет ему характеризовать их как чужеродный элемент по отношению к национальному интересу. Для Барреса любой дрейфусар, будь то истинный француз, эльзасец или лотаринжец – являлся «предателем перед богом и своим ближним» [Barrès, II, p. 272]. Согласно такой позиции, Баррес находил единомышленников и отбрасывал несогласных. Последних он причислял к «варварам», среди которых были евреи, иностранцы, интеллектуалы, которые «заполняют и подавляют нашу нацию» и препятствуют «нашему национальному развитию» [Barrès, 1911, p. 298]. Так Барресом использовался образ «другого» с целью защиты «чистоты» национальной идентичности французов. В 1902 году, когда отгремят бои по делу Дрейфуса, Баррес напишет: «Мой национализм был способом заботы о национальных интересах государства» [Barrès, III, p. 6].

Широкую известность во времена дела Дрейфуса получает барресовский аргумент, призывающий к чистоте расы. «Кто такой Золя?» – вопрошает Баррес. – Я рассматриваю его по происхождению. Этот человек – не француз [...] Я признаю, что его защита Дрейфуса – результат искренности. Но я говорю, обращаясь к этой его искренности, что между нами граница. Какая граница? Альпы [...] Эмиль Золя мыслит, как это вполне подобает лишенному почвы венецианцу [...] (Среди предков Золя были выходцы из Италии). Дрейфусизм Золя объясняется его космополитизмом. В связи с этим автору «Я обвиняю!» «мы не навязываем наши идеи и принципы той национальности, которую мы приняли, – поясняет Баррес, – ибо кровь упорствует против установленных клятв и законов» [Barrès, 1925, I, pp. 43-44; 96].

Баррес не разделял интереса Тэна и Бурже к протестантизму, считая его большим заблуждением [Barrès, II, p. 106]. По его убеждению, протестантизм не отвечал интересам французской нации и являлся врагом ее старой католической традиции. Баррес прославляет Гизов, которые во времена религиозных войн не допустили принятия протестантства в Лотарингии

и во Франции. Эта «волна, пришедшая из германского океана, оставила соль, которая изменила наши земли» [Barrès, 1925, I, p. 67]. Изгнанные из Франции протестанты обрели «родину в Англии, Женеве и Германии» [Barrès, 1925, I, p. 64]. «Следовательно, – делает вывод Баррес, – они не ведут своего происхождения от наших предков. Они нарушили французскую непрерывность, представляя собой эпизодические явления. Родиной для них стала некая сумма идей, существование которых они находят в других местах. Вот почему они склонны к интернационализму» [Barrès, 1925, I, p. 65].

В начале XX века у Барреса обостряются антигерманские настроения. Французский консерватор убежден, что «германская раса» усиливает свое влияние в Европе. «Миссия Германии состоит в том, – писал Баррес в 1905 году, – чтобы навязать дисциплину всей интеллигенции» [Barrès, IV, p. 101]. С болью в душе писатель наблюдал за тем, как рушатся звенья, соединяющие целые поколения и отдельные жизни: «Я чувствую, как слабеет и исчезает французская национальность, субстанция, которая поддерживает меня, и без которой я исчезну. Необходимо восстановить и увеличить эту энергию, унаследованную от наших отцов» [Barrès, IV, p. 132]. В этот период барресовский национализм выходит на внешнюю арену и превращается в тенденцию изолировать Францию от губительного влияния восточного соседа, Германии. Роль щита призваны сыграть Эльзас и Лотарингия. По концепции Барреса эти провинции должны напитать «*imprégner*» Францию энергией и помочь ей противостоять силам внутреннего и внешнего разрушения.

Основное положение диалогии «Восточные бастионы» (1905-1909) состоит в том, чтобы эльзасцы и лотарингцы крепко держались за свою землю и защитили ее от врага. Антигерманские настроения способствовали усилению патриотизма. Эльзасец Германн, главный герой романа «На службе у Германии» (1905), и жительница Меца из романа «Колетт Бодош» (1909), воплощают волю двух провинций: они согласны пойти на любые жертвы. Героев объединяет одно – погибнуть или одержать полную победу над общим врагом. «Лучше совсем не жить, – считает Германн, – чем жить жизнью, которая противоречит моей душе» [Barrès, 1950, p. 115]. Во время мессы во славу мертвых, которые пали в бою, защищая Мец от врага, Колетт Бодош охватывает волна страстного порыва. «Их тени касались ее, следили за ней. Осмелится ли она обмануть их, оскорбить, отречься от них?» [Barrès, 1909, p. 252]. Героиня нашла в себе мужество преодолеть минуты слабости и отвергнуть любовь немца Асмуса. Колетт одерживает моральную победу. В романе страдает не побежденный, а завоеватель. «Что вы хотите, дорогой господин Фредерик Асмус, – вы являетесь жертвой войны» [Barrès, 1909, p. 256].

Баррес восхищается своей героиней, она для него служит символом Лотарингии. Писатель дает ей свое напутствие: «Оставайся всегда такой мужественной и осмотрительной, благодушной и насмешливой, рассудительной, преданной, чистой. Постоянно ухаживай за могилами и всегда храни чистоту языка своей нации» [Barrès, 1909, p. 257].

В образах Колетт и Германна писатель представил основной принцип националистической доктрины: неподвластную волю, которая примет только то, что будет соответствовать ее внутреннему чувству. «Я стараюсь обогатить нашу литературу примерами постоянства и благородства, писал Баррес в предисловии к роману «Колетт Бодош»» [Barrès, 1909, p. VI].

Автор оценивает Германию и немцев с французской точки зрения. Гротескно заостряет отличительные черты немца Асмуса, что приводит к созданию резко очерченного стереотипа представителя этой нации. Образы Колетт и Асмуса строятся по принципу их резкого отличия друг от друга, что и приводит к сгущению красок. А также на лицо и психологический феномен: не принимая каких-то черт в образе Асмуса, автор романа стремится найти некий противовес в образе жительницы Меца, идеализируя ее, создавая любезный его сердцу стереотип.

В период Первой мировой войны Баррес отступает от принципов своего консерватизма и приходит к выводу, что французская нация должна объединиться и обеспечить свою жизнеспособность, а также вернуть Франции статус одной из ведущих держав Европы.

Понятие «варвар» теряет свою актуальность, и в сложившихся обстоятельствах будет служить препятствием в решении государственных интересов. «Каждый из нас, – отмечал Баррес в 1916 г., – в нашей деревне, в нашем мирке мы определяли как католика, протестанта, социалиста или еврея. Внезапно высшие обстоятельства соединили нас в единое целое. Французы! Мы – большая река Франции, грозящая устремиться в гигантский поток усилий, неведомых страданий. Именно в этой стремнине сегодня смысл нашей жизни!» [Barrès, 1963, p. 755].

После войны Баррес отказывается от национализма территориальной защиты. В барресовском национализме наступает такой период, который Ж. Тушар назвал даже странным [Touchard, p.166]. А глава в книге Ж. Мадоля «Национализм Барреса» так и называется «Стены рушатся» [Madaule, p. 22]. Сам Баррес признавался в «Тетрадах»: «Национализм мог бы овладеть мною полностью, но вместо того, чтобы как можно лучше составить его требник, сформулировать его молитвы и литургию, я замечаю, что моей главной заботой стало преодоление слова Франция, и мне захотелось чего-нибудь безграничного и глубокого, скорее универсального» [Barrès, VIII, pp. 80-81]. Ему, как и в молодости начинает импонировать стремление к интеллектуальному содружеству. Он даже мечтает открыть границы между Францией и Германией, Востоком и Западом.

В книге «Гений Рейна» (1921) Баррес призывает молодых французов и немцев помириться и посвятить себя общей задаче, которая потребует энтузиазма и «подлинной духовной теплоты». В повести «Сад на берегу Оронта» (1922) бывший консерватор желает способствовать широкому синтезам, что свидетельствует о выходе Барреса из жестких рамок доктрины. После шести месяцев осады французскими рыцарями был захвачен сирийский эмират на берегу Оронта. Завоеватели задумывают устройство нового государства, которое будет одновременно и сирийским, и франкским, но исповедующего христианскую веру.

Несмотря на некоторые неприемлемые для гуманистической мысли взгляды Барреса, в его программе доминировала идея «великой Франции» и сохранения ее традиционных общественных институтов. Эволюция французского политического консерватизма нашла свое отражение в многотомных «Тетрадах» Барреса, которые начали переиздаваться во Франции [Barrès, 2010, 2011, I-II]. Опыт Барреса являет собой образец разновидностей решения национального вопроса и открывает новые перспективы в понимании задач в русле современности. С новой иммиграционной волной, хлынувшей во Францию и другие страны Европы, вопрос о национальной идентичности приобрел свою значимость и потребовал установления нормы должного.

Примечание

¹ verlan – «верлан» (вид условного языка, арго, в котором переставляются слоги в словах).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арагон, Л. Собр.соч.: в 11 т. Т.10. / Л. Арагон. – М: Гослитиздат, 1961. – 595 с.
2. Barrès, M. Mes cahiers: En 14 t. Paris, Plon, 1929-1957. / M. Barrès. – Далее «Мои тетради» цитируются по этому изданию с указанием в тексте тома и страницы.
3. Barrès, M. Amori et dolori sacrum / M. Barrès. – Paris, Plon, 1960. – 303 p.
4. Barrès, M. Les Déracinés / M. Barrès. – Paris, Charpentier, 1897. – 492 p.
5. Barrès, M. Scènes et doctrines du nationalisme: En 2 t. T. 1. / M. Barrès. – Paris, Plon, 1925. – 295 p.
6. Barrès, M. Scènes et doctrines du nationalisme / M. Barrès. – Paris, Félix Juven, 1902. – 509 p.
7. Barrès, M. Sous l'œil des barbares. Examen de trois idéologies / M. Barrès. – Paris, Perrin, 1892. – 56 p.
8. Barrès, M. L'Appel au soldat / M. Barrès. – Paris, Émile Paul, 1911. – 551 p.
9. Barrès, M. Au service de l'Allemagne / M. Barrès. – Paris, Plon, 1950. – 299 p.
10. Barrès, M. Colette Baudoche / M. Barrès. – Paris, Félix Juven, 1909. – 258 p.
11. Barrès, M. Mes cahiers / M. Barrès. – Paris, Plon, 1963. – 1131 p.

12. Barrès, M. Mes cahiers / M. Barrès. – Paris, Éditions des Équateurs, 2010. T. 1. 678 p.; 2011. T. 2. – 654 p.
13. Figaro, 4 juillet 1892.
14. France, A. M. Jules Soury / La Vie littéraire / A. France. – Paris, Calmann-Lévy, 1949. – Pp. 320-332.
15. Libération, 15 décembre 2009.
16. Madaule, J. Le Nationalisme de Maurice Barrès / J. Madaule. – Marseille, Sagitaire, 1943. – 272 p.
17. Soury, J. Le Système nerveux central – Structure et fonctions. Histoire critique des théories et des doctrines: En 2 t. / J. Soury. – Paris, Georges Carré et C. Naud, 1889. – 886 p.
18. Sternhell, Z. Maurice Barrès et le nationalisme français / Z. Sternhell. – Paris, Colin, 1972. – 396 p.
19. Touchard, J. Le Nationalisme de Barrès // Maurice Barrès: Actes du colloque organisé par la faculté des lettres et des sciences humaines de l'Université de Nancy / J. Touchard., – Nancy, 1963. – Pp.161-173.

Материал поступил в редакцию 26.06.17.

NATIONAL IDENTITY IN MAURICE BARRÈS'S OEUVRE

N.N. Stepanova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Department of the French language, Philological Faculty,
St. Petersburg State University, Russia

Abstract. *This article studies the issue of the national identity in the modern France as well as at the turn of the XIX-XX centuries on the example of Maurice Barrès's oeuvre. Developing the theory of organic determinism, Barrès came to the conclusion that the individual personality must belong to only one race. In order to keep the race's purity, it is necessary to struggle against the interlopers, compromising its integrity. Barrès's nationalist doctrine "earth and the dead" is the theoretical program, which found the forms of return to the native sources, to the regional solidarity, the call for the defense of native land.*

Keywords: *French nationalism, determinism theory, national identity, ethnophobia.*

UDC 80

A BRIEF TALK ON VIBRATO IN SINGING**Yuan Fuqiang**, Lecturer

JiangXi University of Traditional Chinese Medicine (Nanchang), China

***Abstract.** The vibrato in singing comes from breathing and begins with emotions. When the breath sounds through the vocal cords, a singer consciously makes the breath vibrate and thus form vibrato. The proper use of breathing and the scientific singing method are the precondition and guarantee to obtain high-quality vibrato. As one of the most basic and important skills in vocal music singing, vibrato plays a significant role in the singer's expression of the song content, style and emotions.*

***Keywords:** vibrato, breathing, yawning, fulcrum, inhale with words, use.*

Vibrato is the swift alternation in pitch of the notes akin to water waves, which is an important means of expression in music. Especially in vocal music works, vibrato can not only beautify the song, boost the fancy style, but also represent motion trajectory of voice. When people speak in excitement, the voice is vibrating. Thereby psychologists take it that vibrato is dependent on excitement and emotion. Singing is the expression of emotion and art. The vocal music works will be more amazing under the condition that singers apply vibrato to display the anticathexis.

But with a poor view of principles of vibrato sounding, singers cannot produce the correct fibrillation. Because they do it not by natural breathing and true emotion, but intentionally dithering pharyngeal muscles, wagging tongue, or tightening the throat, and in consequence they were unable to achieve vivid and satisfying artistic effects .

1. Formation of vibrato

According to the scientific analysis, the fluctuation of singing is the signal of the nerve pulsating, beating five to eight times per second along the way of the nervous system. From the acoustic point of view, changes in pitch, loudness, timbre are the coincident at the same rate of fibrillation. Therefore, "pitch change", "intensity change", "tone change" of vibrato is not completely divided and isolated, but an organic unity. In the actual sound, they coexist simultaneously, but weight differently. The first vibrato from the pitch change mainly rely on cricothyroid muscle for trill; the second vibrato from intensity change mainly rely on the abdominal muscles to produce the thrill. Another is the use of the frequency difference between two different cavity resonances to produce the beating vibrato, which is difficult to control this.

Vibrato, according to sound jurisprudence means the wavy motion of singing, also known as sonic. When the breath is going through the vocal cords, singer consciously shakes it and it will form a vibrato. When issued vibrato, some singers will pound the throat muscles, especially the more prominent Adam's apple in men, it is easier to perceive; of course, there are some exceptions. As for vibrato, singing mean much in connecting human physiology and nerve.

Laryngeal muscle beating can be manipulated purposefully, and it can also be affected by other nerve stimulation unintentionally, such as emotional excitement caused by changes in the nervous system.

But singing is performing arts, although vibrato can be manipulated by sheer will, but if not from the song outpouring of emotion, then this will be true valuable sound art, because the most moving song is not what frequency vibrato produces, but how vibrato is produced.

Vibrato in the art singing and trembling in general singing are two completely different sound concepts: vibrato changes with the changes of singing feeling and singing strength; and trembling is a physiological performance with singing, which is the frequent problem of the performing arts in vocal, such as shaking too frequently is known as “sheep sound” and too slowly is commonly known as “big swing”, etc. These are defective sound producing. In fact, the main reason of trembling is the too soft throat muscles attacked by breathing, or singers have no enough breathing techniques, leading to tight throat, which gives rise to various problems.

2. The correct breathing in vibrato

We believe that vibrato in the art singing must emphasize correct breathing method, for the singer is concerned, a good master of breathing is half success. So breath means a lot in singing. We also know that many of the problems are root in a poor view of breathing. Here we classified the right breath into three stages: inhale, exhale, breath.

Inhale accurately, naturally, deeply, properly, while the breath is inhaled from the mouth, nose simultaneously, brought through the throat, trachea, and bronchus to the bottom of the lobe, released in the low back and pushed into the low back. The action should be relaxed and natural. Each one is over, the diaphragm should be relaxed. Neither far-fetched, nor stiff. After the exhibition shoulders droop naturally, chest relaxes without hunch, otherwise ministries muscle tense and throat muscles will consequently stalemate. In its turn, voice is not melodious, which hinders other vocal organs to exercise flexibly.

Breath should be smooth, even, temperate, and the key point of exhalation is to find equilibrium point and coordination power to balance the respiratory organs and vocal organs. If you find this point and power, breath is on the right way. When exhaling, the diaphragm lifts smoothly, the ribs recover gradually, and the breath goes through the trachea into the glottis, which is known as upward and inward force. It should be noted that there are both this upward and inward force formed by the expiratory muscle and downward and outward force formed by the inspiratory muscles. Adjust competition with the requirement of singing. This very breath with the coordination between inhale and exhale is the superior breath. Get the proper breathing fulcrum, you can get the sound supported by breath, which will contribute to the emergence of vibrato we look forward to.

Breath is called stealing gas or replenishing qi, which is also an important part of breathing in the singing. Many singers are often unable to relax breathing muscles, and making frigid sound and no vibrato. The first breath in singing has a close bearing on whether the cycle of the inspiration and expiration can be maintained. Therefore, we must not let the breath moving up the site at the time of ventilation, which will affect the breath of singing. On the one hand, breath according to phrase melody, and breath, on the other hand, according to the performance of works. Ventilation call for high level so that training is of utmost importance. When practicing, you can choose some small songs, consciously slow down the speed of the song, so ventilation will gain sufficient time and preparation. When you get the high proficiency, gradually accelerate the speed, and make singing become artistic vibrato singing.

Inhale, exhale, breath formed by the above methods constitute the breath based on equilibrium point, which produces resonance, pure and mellow sound by setting the tongue horizontally, opening the throat appropriately, going through the pharynx pipeline and releasing in the head cavity (nasal cavity, the frontal, frontal, sphenoid, etc.). And beat the sound behind the throat, soft palate, tongue, throat, pharynx, there will be high-frequency harmonics which guarantee range in intensity at pleasure and ensure penetrating, passionate, charismatic and expressive voice. Meanwhile such a voice can be clear and express the profound feelings of a song. The ideal vibrato will arise naturally. In brief, in order to produce proper vibrato, we must make good use of recognized thoracoabdominal breathing in vocal music realm.

3. Application of vibrato in various singing styles

The cause of vibrato in various singing styles is actually not the same. It exists in the entire process of bel canto and folk singing generally. In the pop singing, it depends on the singers' habits; it generally exists in the end, because the different causes result in different forms of expressions. Vibrato in folk and bel canto is naturally produced by practicing breath for a long time, because the source of this vibrato is the breath, so the sound has the simple sense of beauty. In pop style, vibrato is more complex; some pop singers have the basis of bel canto or they used to learn bel canto originally, and sing pop music later, and their vibrato is the same as that of the folk and bel canto actors after the long-term scientific vocal training. Many popular singers' vibrato relies on the deliberate control of vocal cords; there are so many singers who first repeatedly sing the adjacent two notes, then gradually speed up to sing vibrato, so such vibrato is slow with very large amplitude. Such vibrato is established on the control of vocal cords, so "it exists in the end in the pop style", because only the prolonged sound has the room and time for controlling vocal cords.

In addition to the increasing aesthetic feeling of singing, there is another important role for vibrato, mastering the timing and duration. Practice has proved that the number of vibrato in each section vibrate does not vary from different singers (trained) to different singers (trained) in the same song, at the same speed.

4. Conclusion

Vibrato is a difficult skill in vocal music. If the singers want to master this skill and better serve singing, they should pay attention to breathing, resonance, language and weight training in the usual training. Because once problems occur in these aspects, it will directly influence the use of vibrato.

In case of no guidance, it is recommended not to produce vibrato deliberately, but practice with scientific method and correct breath. The vibrato obtained in the natural affection is what we really need in vocal music art. Vibrato, as one of the most fundamental and most important skills in vocal music, plays a very important role in the expression of the song content, style and emotion. However, some singers, due to the limited professional learning and technical level, produce a lot of wrong vibrato in singing; Singers, therefore, should have a correct understanding of vibrato first, to distinguish right from wrong and then master the right way and practice, gradually grasp the correct vibrato.

Combining personal practice and teaching experience, this paper analyses the causes of the wrong vibrato and specific solutions from the perspective of the vocal music technique.

In addition, writing this paper, the author feels that the vocal music is a practical subject, so in order to master it well, a lot of theoretical knowledge is required. What is more, the repeated practice and summary are also necessary. Due to the limited practical experience, the author still needs to practice in the later working and studying, and hope to have more profound discussion about this topic.

Postscript: This article is the initial result of the Chinese Jiangxi province art project in the new period of China vocal performance theory research: Based on the comparison and study of the Russian (project number: YG2015071).

REFERENCES

1. Gerunov, V. Introduction to Vocal Music / V. Gerunov. – Petersburg Music Publishing House, 2010.
2. Guan Jinyi. History of Western Vocal Music / Guan Jinyi. – People's Music Publishing House, 2005.
3. Lamperti, F. Voice Teachings of the Deceased / F. Lamperti; Translated by Li Weibo. – Shanghai Music Publishing House, 2005.
4. Mallorzanv, P. Resonance Art in Vocal Music / P. Mallorzanv. – Press of Moscow Conservatory, 2002.

5. Wang Xianghui. Discussion of Application of voice and emotion in the singing art / Wang Xianghui // [J] Music Life. – 2011.11.
6. Wu Mingmin. Discussion of Processing and Performance of Singing Art / Wu Mingmin, Zhu Yukui // [J] Years of Youth. – 2011.05.
7. Zhang Feilong. Music Research and Teaching Discussion / Zhang Feilong. – Shanghai Music Publishing House, 2005.

Материал поступил в редакцию 04.05.17.

КРАТКИЙ ОБЗОР ВИБРАТО В ПЕНИИ

Юань Фуцян, преподаватель

Цзянсийский университет традиционной китайской медицины (Наньчан), Китай

***Аннотация.** Вибрато в пении образуется с помощью дыхания и носит эмоциональный характер. Когда дыхание проходит через голосовые связки, певец сознательно заставляет дыхание вибрировать и таким образом формирует вибрато. Правильное дыхание и научный подход к пению являются предпосылками, гарантирующими качественное вибрато. Являясь одним из основных и важнейших навыков вокального пения, вибрато играет существенную роль в передаче певцом содержания песни, ее стиля и эмоций.*

***Ключевые слова:** вибрато, дыхание, зевота, опора, вдыхать со словами, использование.*

УДК 82

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР КАК ПРОСТРАНСТВО «ДУХОВНОЙ РЕАЛЬНОСТИ» (К ОПЫТУ РЕЛИГИОЗНО-КРИТИЧЕСКОГО МЕТОДА И.А. ИЛЬИНА)

С.В. Супрун, кандидат филологических наук, старший преподаватель
Кафедра философии, культуроведения и социальных коммуникаций,
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и
туризма» (Краснодар), Россия

Аннотация. В статье рассматривается восприятие И.А. Ильиным художественного мира с точки зрения религиозно-нравственного постижения «духовной реальности».

Ключевые слова: художественный мир, художественная реальность, художественное пространство, религиозно-критический метод, интерпретация, критика русского зарубежья.

Художественный мир, который писатель или поэт создал, соединив в художественно цельный текст слова и образы, становится художественной реальностью. В литературоведении понятие «художественная реальность» синонимично понятиям «художественный мир», «художественное пространство» и несет в себе художественную концепцию мира и личности: «За художественным текстом прямо не стоят адекватные ему факты действительности, а находится их осмысляющая художественная реальность» [1, с. 507].

И.А. Ильин, яркий представитель литературной критики русского зарубежья, рассматривал «художественный мир» как пространство «замыслов и образов, зашифрованное в словах и буквах». В художественном пространстве писатель воспроизводит не только внешние факты действительности, но и «внутренние духовные образы». Эти образы есть отражение жизни человеческой души. По мысли И.А. Ильина, художник создает поэму или роман со строго определенной целью: выразить «главный помысл», некий «божественный заряд», который «глубоко укоренился в душе» и «требует неминуемого выхода в точных образах и необходимых словах» [3, с. 23]. В этом суть самого процесса творчества как воплощения духовных образов художника. Дух, душа, духовная наполненность и составляют «духовную реальность» художественного произведения.

В своих литературно-критических статьях И.А. Ильин неоднократно возвращался к осмыслению художественного пространства «духовной реальности». Он выделяет следующие взаимосвязанные и взаимозависимые ее составляющие: «духовно-предметный состав» художественного произведения (в нем сосредоточен «главный помысл» автора); духовная составляющая читателя (душа читателя, его потребность *со-причастия* творческому акту); литературный критик, способный измерить духовную глубину художественного произведения. Такой художественный мир требует колоссальных духовных усилий, серьезной работы души со стороны читателя и литературного критика.

Художник вкладывает душу в свое творение, его художественный мир – это отражение его души. Задачу читателя И.А. Ильин видит в «воссоздании художественного создания»

[3, с. 19], которое осуществляется непосредственно в душе читающего. Для этого читателю требуется «найти в своей собственной душе тот материал чувства, воли, видения и мысли». Т.е. прочитать произведение какого-либо писателя, постичь его художественный мир – значит «вычитать из них духовное содержание» [3, с. 20]. Настоящий читатель «живет вместе со своим автором, вослед ему населяя свои душевные пространства его образами и помыслами и пребывая в них» [3, с. 22]. Литературный критик, высказывая предельно объективное понимание художественного произведения, имеет, по мнению И.А. Ильина, необходимый инструментарий для постижения «духовной реальности». Инструментарий – это «измерение духовной глубины». Т.е. пространство «духовной реальности» можно интерпретировать с помощью религиозно-критического метода. Исходя из этой концепции, нельзя измерять художественное пространство «нехудожественными мерилками». Вот почему И.А. Ильину были чужды социологический, формальный, биографический методы интерпретации текста.

И.А. Ильин считал пространство «духовной реальности» характерной особенностью русской литературной традиции: «Для русского художника... в искусстве существенно не удовольствие, не развлечение и даже не просто украшение жизни, но постижение сущности, проникновение в мудрость» [3, с. 37].

Пространство «духовной реальности» выделяет критик русского зарубежья в художественном мире И. Шмелева. Глубинную духовную составляющую изображенной модели мира видит И.А. Ильин в том, что «страстно-страдающий мир человеческой души находит себе через него эти незабываемые образы и эти трепетно-поющие слова» [4, с. 111]. Именно так и происходит «художественная встреча» читателя и автора. Критик обозначает важный на его взгляд аспект: определить, стала ли «словесная ткань» «духовной реальностью», можно по состоянию «духовного трепета» от соприкосновения с божественным началом творческого акта. Художественные произведения Шмелева вызывают именно такой «духовный трепет»: «душа читателя вдруг как бы просыпается, встревоженная, открывает духовные глаза и начинает напряженно прислушиваться и всматриваться...» [4, с. 108].

Таким образом, в основе религиозно-критического метода И.А. Ильина лежит религиозно-нравственное постижение художественного мира как пространства «духовной реальности». С одной стороны, духовную наполненность осуществляет художник самим актом творчества. С другой стороны, читатель выполняет роль «со-художника», «соучастника» творческого процесса, должен через свою душу воспринять художественное произведение. Литературный критик – это не просто читатель, это «художественно-аналитический читатель». Он пользуется не только душевными переживаниями, но и «сознательной мыслью» в интерпретации художественного текста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Борева, Ю.Б. Эстетика. Теория литературы. Энциклопедический словарь терминов / Ю.Б. Борева. – М.: Астрель. АСТ, 2003.
2. Ильин, И.А. О тьме и просветлении. Книга художественной критики. Бунин – Ремизов – Шмелев / И.А. Ильин. – М.: МедиаКнига, 1991.
3. Ильин, И.А. О чтении и критике // Ильин И.А. Одинокий художник. Статьи. Речи. Лекции. / И.А. Ильин. – М.: «Искусство», 1993.
4. Ильин, И.А. Творчество Шмелева // Ильин И.А. Одинокий художник. Статьи. Речи. Лекции. / И.А. Ильин. – М.: «Искусство», 1993.

Материал поступил в редакцию 30.06.17.

**THE ART WORLD AS A "SPIRITUAL REALITY" SPACE
(ON THE EXPERIENCE OF THE I.A. ILYIN'S RELIGIOUS
AND CRITICAL METHOD)**

S.V. Suprun, Candidate of Philological Sciences, Senior Lecturer
Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications,
Kuban State University of Physical Education, Sport and Tourism (Krasnodar), Russia

***Abstract.** In this article the perception of the art world by I.A. Ilyin from the point of view of religious and moral comprehension of "spiritual reality" is considered.*

***Keywords:** art world, art reality, art space, religious and critical method, interpretation, criticism of the Russian abroad.*

UDK 80

ZUM PROBLEM DER SYSTEMHAFTIGKEIT AUF DER LEXIKALISCHEN SPRACHEBENE

F.J. Veysalli¹, Ch.S. Äsgerova²

¹ Professor Dr. habil., Lehrstuhl für Allgemeine Sprachwissenschaft,

² Doktor der Philosophie in den Philologischen Wissenschaften, Lehrstuhl für Deutsche Sprache
Aserbaidshische Sprachenuniversität (Baku), Aserbaidshische

Zusammenfassung. Dieser Artikel ist dem Problem der Systemhaftigkeit auf der lexikalischen Sprachebene gewidmet.

Schlüsselwörter: Sprachebene, Systemhaftigkeit, Sprache, Sprachwissenschaft, Wortschatz.

Die nachsaussuranische Sprachwissenschaft beschäftigt sich intensiv mit den Problemen des Systems und der Struktur der Sprache (de Saussure, Benveniste, Coseriu, Lepschy, Geckeler, Schiwy, Achundov, Veysalli, Maslov, Reformatski u.a., vgl. Veysalli 2005). Bei der Auseinandersetzung mit den oben genannten Begriffen stützt sich die moderne Linguistik auf die Ideen von de Saussure, die in seinem Buch „Course de Linguistique General“ posthum veröffentlicht wurden. Dieses Buch wurde nicht direkt vom Meister selbst, sondern drei Jahre nach seinem Tod von Bally und Sechehaye herausgegeben. Der Einfluss dieses Buches auf die Linguistik ist so groß, dass man es manchmal mit Einsteins Relationstheorie vergleicht. Ungeachtet dessen ist die Bedeutung dieses Buches übertrieben und gibt die Sprachideen von de Saussure nicht völlig wieder (Jäger 2010). Kuller, der Übersetzer dieses Buches ins Englische, schreibt im Vorwort, er würde der Übertreibung der Bedeutung des „Course“s nicht zustimmen. Dies sieht man an einigen Stellen sehr deutlich (Jäger 2010: 19). In einem Brief vom 4. Januar 1894 an Meillet beklagte sich de Saussure über „die absolute Belanglosigkeit der geläufigen Terminologie“ (Fehr 1997: 18). In den letzten 50 Jahren sind dank der Tätigkeit von Fehr und Jäger viele Noten und Fragmente de Saussures gefunden worden, die als „Gartenhaus-Notizen“ bezeichnet worden sind. Es ist weit bekannt, dass die wichtigsten Sprachideen von de Saussure im Jahre 1878 in der von ihm in Leipzig veröffentlichten Magisterarbeit „Mémoire sur le système primitif des voyelles dans les langues indo-européennes“ niedergeschrieben worden sind. Darin wies er u.a. darauf hin, dass zum Forschungsobjekt der geschichtlichen Lautveränderungen nicht die Einzellaute, sondern ihre morphologischen Tatsachen gehören müssen. Das heißt, dass sie im synchronisch-morphologischen Kontext analysiert werden müssen. Dieser Gedanke war schon ein eindeutiger Verzicht auf den atomistischen Positivismus der Junggrammatiker. Die lautlichen Elemente der Sprache müssen laut der Sprachkonzeption von de Saussure wie sie in Wörtern bestehen, mit ihren Veränderungen erforscht werden.

Die Bedeutung der Magisterdissertation von de Saussure war für die vergleichende und theoretische Sprachwissenschaft jener Zeit überaus groß, obwohl manche bekannte Vertreter der Junggrammatiker, wie z.B. Osthoff, dieses Werk für falsch hielten und es wegen seiner radikalen Position in der Linguistik scharf kritisierten (Jäger 2010: 50). Ausgehend von Humboldts Konzeption, dass die Trennung des signifikanten von signifikat ähnlich der Trennung des Gesichts des Menschen von seiner Person sei, unterstrich de Saussure, dass die Trennung des Bezeichneten vom Bezeichnenden

unannehmbar sei, weil im Zeichen seine lautliche Seite mit seiner begrifflichen Seite eine untrennbare Einheit bildeten. Im „Course“ aber, wie bekannt, ist die scharfe Trennung der einen Seite von der anderen (des Bilateralismus des Zeichens) anerkannt worden (Saussure 1967). De Saussure trat von Anfang an dafür auf, dass die lautlichen Elemente als Elemente des Systems betrachtet werden müssen, indem diese Elemente im oppositiven Verhältnisse bestehen, dass diese Elemente außerhalb des Systems belanglos sind. Dasselbe gilt für die Frage der Systemhaftigkeit auf der lexikalischen Sprachebene. Zusammenfassend können wir die Sprachideen de Saussures wie folgt resümieren:

1. Die Sprache ist ein System, wo die einzelnen Zeichen nicht isoliert bestehen, sondern im engen Zusammenhang.

2. Die Sprachwissenschaft erreicht ihr Ziel nur in dem Fall, wenn sie die Sprache als System und Struktur betrachtet. Bei der Bestimmung der vergleichenden Sprachwissenschaft stützt er sich auf die Sprachtheorie seines Vorgängers Humboldt, nach dessen Ansicht der Vergleich der besonderen Eigenschaften einer Sprache mit denen der anderen auf dem Wege der Induktion zu den abstrakten Ideen führt (Humboldt 1998:319).

3. Für die Erschließung des Wesens der Sprache schlug de Saussure den Vorteil der synchronischen Betrachtungsweise vor der diachronischen vor, wodurch er sich von Junggrammatikern, wo er in Jugendjahren studiert hat, abtrennte.

4. De Saussure unterstreicht die Idee, nach der in den linguistischen Untersuchungen der Gesichtspunkt dem Gegenstand vorhergeht, obwohl die Herausgeber des „Course“ Bally und Sechaye diese These wie folgt formulieren: „die Sprache an und für sich selbst betrachtet ist der einzige wirkliche Gegenstand der Sprachwissenschaft“ (Saussure 1967:279).

In seinen „Gartenhaus-Notizen“ verdeutlicht de Saussure an einigen Beispielen seine Gedanken bezüglich des Wertes auf der Wortebene. So bezeichnet das Wort /die Sonne/ in der Äußerung /die Sonne scheint// einen völlig positiven, klaren und konkreten Begriff. Dies wird zum Beispiel in den folgenden Äußerungen deutlich: !Geh vor der Sonne weg!, oder Liege nicht unter der Sonne/. Dabei steht die Bedeutung des Wortes /Sonne/ dem Wort /Schatten/ gegenüber. So wird auch das Wort /Schatten/ dem /Schein/ gegenüberstehen. Im Wort /der Mond/ dagegen gibt es keinen richtigen, falschen, positiven oder negativen Begriff. Es gibt nur eine negative Auswahlmöglichkeit von vielen Äußerungen. Wir schätzen die folgenden Worte von de Saussure sehr hoch ein, weil nach ihm das wichtigste Merkmal der Wortsemantik darin besteht, dass die Sprachträger die Oppositionen zwischen dem /Geist/ und /der Seele/ oder /dem Denken/begreifen. Dafür müssen sie ein „Sprachgefühl“ oder „feines Gefühl“ haben.¹Daraus können Tausende von Oppositionen herausgefunden werden. Dieses Gefühl stützt sich auf negative Gegenüberstellungen der Werte. Nur auf diese Weise können positive Werte der Zeichen festgestellt werden. Die Existenz der materiellen Substanz, ebenso wie die Existenz anderer Sachverhalte sind für die Sprache belanglos.

Das Parasemienetz ist in der Forschung der sprachlichen Zeichen entscheidend, weil die prä-semiologische, ontologische Struktur der Umwelt mit ihrer wirklichen Verschiedenheit nicht wichtig ist. Bei de Saussure finden wir eine klare Differenz zwischen der Bedeutung und dem Wert. Diese beiden Wörter hält er nicht für Synonyme, denn er schreibt: „Sind diese beiden Wörter synonym? Wohl kaum; obgleich beides leicht durcheinander gebracht werden könnte, nicht so sehr, weil Geltung und Bedeutung einander nahestehende Ausdrücke sind, sondern deshalb, weil der Unterschied zwischen beiden gar nicht so leicht zu fassen ist“ (Saussure 1967: 136). Von der Seite des Vorstellungsinhalts rechnet de Saussure die Geltung oder den Wert als Bestandteil der Bedeutung. Um den Unterschied zwischen diesen beiden Sachverhalten zu erklären, gibt de Saussure Beispiele aus dem Französischen und Englischen. Das französische /mouton/kann dieselbe Bedeutung haben wie das englische /sheep/, aber nicht denselben Wert. Die Engländer nennen ein Stück Fleisch, dass zubereitet und auf den Tisch gebracht wird,/mouton/,nicht /sheep/; „Der Unterschied des Wertes zwischen/sheep/ und /mouton/ kommt daher, weil das erstere neben sich ein zweites Glied hat, was bei dem französischen Wort nicht der Fall ist.“ (Saussure 1967: 138).

Die gegenwärtige Linguistik kann Unterschiede zwischen der phonologischen oder morpho-

logischen Ebene der Sprache geht sehr leicht nachweisen, wenn die Zahl der gegenüberstehenden Elemente auf diesen Ebenen gering ist. Was aber die lexikalische Ebene oder die syntaktische Ebene anbetrifft, so ist es nicht leicht die Endzahl der Spracheinheiten bezüglich dieser Ebenen festzustellen, weil die erstere ein offenes System bildet, die zweite aber, nach Chomsky, eine unzählbare Menge darstellt (Chomsky 1971). Trotzdem haben die Gelehrten aus verschiedenen Ländern Versuche unternommen, die Systemhaftigkeit auf der lexikalischen Ebene nachzuweisen. Die Keime dieser Betrachtung finden wir bei dem aserbajdschanischen Sprachforscher des 15. Jahrhunderts Seyid Ähmäd Dshämällädin Ibn Mühänna in seinem arabischgeschriebenen bekannten Werk „Hiljätül-Insan und Hälbätül-Lisan“ (Schmuck des Menschen und Feld der Sprache – geschrieben in der zweiten Hälfte des 14. Jahrhunderts) (Mühänna 2008: 16). Dieser war als Lehrer tätig und lehrte den Persiern und Mongolen Türkisch. Sein Wörterbuch entstand aus dem Bedürfnis, den Fremden Türkisch beizubringen, damit sich diese beim Handel im Orient besser verständigen konnten. Er benutzte zum ersten Mal in der Geschichte des Fremdsprachenunterrichts eine semantische Gliederung aus 24 Sinnbezirken. Daher lohnt es sich, das Werk von Mühänna tiefgreifender zu studieren und zu verbreiten.

In Europa kann der deutsche Sprachforscher Trier als erster Bahnbrecher im Gebiet der Feldtheorie bezeichnet werden, der in den vierziger Jahren des 19. Jahrhunderts diese Theorie entwickelte. Er deutet bei der Wortfeldtheorie auf seine unmittelbaren Vorgänger hin: „Ob ich die Theorie der Feldbetrachtung allein mit de Saussures Hilfe entwickelt habe oder ob die kurzen 12 Zeilen bei Ipsen mit eingewirkt haben, kann ich nicht mehr sagen [...] Im ganzen der Auffassung fühle ich mich am stärksten verpflichtet Ferdinand de Saussure, am stärksten verwandt Leo Weisgerber.“ (Trier 1931: 11). In diesem Zusammenhang taucht die Frage auf, ob de Saussure als Vorläufer der Feldtheorie zu betrachten ist. In seinem „Course“ finden wir den Begriff „la valeurlinguistique“ (Saussure 1967: 94), was eigentlich zu den Grundlagen der Feldlehre gehörig angesehen werden darf, ohne dass er jedoch den Terminus „Feld“ verwendet. An anderer Stelle spricht de Saussure von „famille associative“ (Saussure 1967: 148). Geckeler schreibt, dass Trier von de Saussures Auffassung von der Sprache als System ausging und dieses Prinzip erstmals konsequent auf die Untersuchung des Wortschatzes anwandte (Geckeler 1981). So spricht Trier dann auch in einer alliterierenden Trias von den „Ideen der Ganzheit, der Gliederung und des Gefüges“ als von den „Leitsterne“ seiner Arbeit (Geckeler 1981: 102). Die späteren Forschungen folgten teilweise den konkreten Arbeiten von Jolles und Porzig. Aber der Vater der Weltgermanistik Paul sprach über die Möglichkeit der Gliederung des Wortschatzes. Geckeler schreibt in diesem Zusammenhang über Paul Folgendes: „Auch H. Paul hatte schon 1894 in einem Vortrag vor der Bayerischen Akademie der Wissenschaften ausdrücklich gefordert, dass bei der Behandlung des Wortschatzes die Zusammenhänge nicht nur auf der lautlichen Seite der Wörter, sondern auch auf der begrifflichen Seite zu berücksichtigen seien. Er trat für eine „dem realen Zusammenhang entsprechende Gruppierung im Wörterbuch ein.“ (Geckeler 1982: 98). In der deutschen Fachliteratur findet sich dazu eine große Vielfalt der Feldterminologie: Wortfeld (Begriffsfeld) oder Sprachfeld (syntaktisches Feld), sprachliches Feld und Bedeutungsfeld. Ausgehend von diesen Termini ist der erste für die Wortebene relevant, da er sich auf das Wort bezieht. Der zweite und der dritte Begriff sind zusammenzufassen, da es sich bei ihnen um die Bedeutung der sprachlichen Einheiten überhaupt handelt. Aus diesem Grunde wollen wir den Terminus *semantisches Feld* (engl. *semantic field*) den anderen Fachausdrücken vorziehen. Also wenn Porzig auf das bedeutungsmäßige Zusammengehören von Gruppen wie *greifen – Hand, sehen – Auge, hören – Ohr, lecken – Zunge, bellen – Hund, wiehern – Pferd, fällen – Baum* u. a. aufmerksam macht, stützt er sich auf die „wesenhafte Beziehungen oder elementare Bedeutungsfelder“ (Geckeler 1982: 94f). Nehmen wir ein beliebiges Wörterbuch, so überzeugen wir uns, dass der Wortschatz in ihm gewöhnlich nach dem Prinzip der alphabetischen Anordnung zusammengestellt ist. In der Tatsache aber soll eine Ordnung nach Bedeutungs- oder Sachgruppen sein, wie dies zum ersten Mal vom Rogets im Jahre 1852 in seinem Wörterbuch „Thesaurus of English Words and Phrases“ behandelt wurde. Dieses Buch erlebte im Laufe von 20 Jahren 31 Auflagen und bildet das Vorbild für ähnliche Wörterbücher im Deutschen, Französischen und Spanischen

(Geckeler 1982: 97). Geckeler kritisierte das Werk von Dornseif „Der deutsche Wortschatz nach Sachgruppen“ (Dornseif 1933), da er keinen Unterschied zwischen der Sache und dem Begriff machen würde. Er gehe von den Begriffen aus und benutze dafür die Wortdecke für die Gedanken (Dornseif 1933: 5). Die hier kurz gehaltenen Ausführungen zum Thema der systematischen Gliederung des Wortschatzes kennzeichnen sich durch den Mangel, der für die wenigen systematischen Arbeiten gemeint ist. Sie enthalten keine Definitionen, die die Wortfelder abgrenzen und bestimmen.

Nur Trier fasst die synchrone Sprachstufe als eine inhaltlich gegliederte Ganzheit auf. Er betrachtet den Wortschatz gegliedert in „Wortfelder“, dienebeneinander, d.h. in hierarchischen Verhältnissen zueinanderstehen: „die Geltung eines Wortes wird erst erkannt, wenn man sie gegen die Geltung der benachbarten und opponierten Worte abgrenzt. Nur als Teil des Ganzen hat es Sinn; denn nur im Feld gibt es Bedeuten.“ (Trier 1931: 3). Trier versteht unter der gegliederten Ganzheit nicht eine bloße Summe von Einzelstücken. Das Feld als Einheit sieht diese Ganzheit aus übergeordneten Großfeldern: „Es kommt der Feldebetrachtung an auf die Binnengrenzen, die ein vorhandener Wortschatz in einem gegebenen Augenblick durch einen Sinnbezirk zieht...“ (Trier 1931: 419).

Anmerkung

¹ Es muss betont werden, dass der Terminus „Sprachgefühl“ für Baudouin de Courtenay sehr verständlich war. Sieh: И.А. Бодуен де Куртене. Избранные труды. М., 1963, 1, 2. части.

LITERATURLISTE

1. Chomsky, Noam (1971) [1966]. Cartesianische Linguistik. Ein Kapitel in der Geschichte des Rationalismus. (Max Niemeyer Verlag). 1., Auflage 1971. Tübingen.
2. Dornseif, Felix (1959) [1933]. Der deutsche Wortschatz nach Sachgruppen. 5., durchgesehene und aktualisierte Auflage 1933. Berlin.
3. Fehr, Johann (1997) [1997]: Ferdinand de Saussure. Linguistik und Semiologie. Notizen aus dem Nachlass. Texte, Briefe und Dokumente. Gesammelt, übersetzt und eingeleitet von Johannes Fehr. (Suhrkamp Verlag). 1., Auflage 1997. Frankfurt am Main.
4. Geckeler, Horst (1982) [1982]: Strukturelle Semantik und Wortfeldtheorie. (Wilhelm Fink Verlag). 1., Auflage 1982. München.
5. Humboldt, Wilhelm von (2003) [1836]. Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaus und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts. (Fourierverlag). 1., Auflage 2003. Wiesbaden.
6. Jäger, Ludwig (2010) [2010]: Ferdinand de Saussure. Zur Einführung. (Junius Verlag). 1., Auflage 2010. Hamburg.
7. Mühanna Ibn, Seyd Ähmäd Cämaläddin (2008) [2008]: Hilyätül-insan & Hejbätül-lisan. Übersetzt und kommentiert vom T. Hadshiyev 2008. Slawische Universität Baku. Baku.
8. Rogers, Peter Mark (1873) [1852]. Thesaurus of English Words and Phrases. 2., durchgesehene und aktualisierte Auflage 1873. Heidelberg.
9. Saussure, Ferdinand de (1967) [1931]: Grundfragen der allgemeinen Sprachwissenschaft. Übersetzt von Herman Lommel. (Walter de Gruyter Verlag). 2., durchgesehene und aktualisierte Auflage 1967. Berlin.
10. Trier, Jost (1931) [1931]. Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes. Die Geschichte eines sprachlichen Feldes. 1., Auflage 1931. Heidelberg.
11. Veysælli, Fakhraddin (2005) [2005]: Struktur dilçiliyin əsasları. Studia Philologica I. (Müterds-him) Bakı.

Материал поступил в редакцию 10.07.17.

ПРОБЛЕМА СИСТЕМНОСТИ ЛЕКСИЧЕСКОГО УРОВНЯ ЯЗЫКА

Ф.Я. Вейсялли¹, Х.С. Аскерова²

¹ профессор, доктор наук, кафедра общего языкознания,

² доктор философии по филологии, кафедра немецкого языка
Азербайджанский университет языков (Баку), Азербайджан

Аннотация. Данная статья посвящена проблеме системности лексического уровня языка.

Ключевые слова: уровень языка, системность, язык, языкознание, лексика.

УДК 8

ВОПРОС МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ ОМОНИМИИ В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В СЕРБСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ СРЕДЕ

М. Павлович-Шайтинац, доктор филологических наук
Белград, Республика Сербия

Аннотация. В данной работе рассматривается семантизация языка подлинника лексическими средствами языка перевода, как один из важнейших вопросов в теории и практике преподавания иностранного языка, на первом плане которого возникает проблема межъязыковой омонимии. Также анализу подвергнуты и примеры сопоставления семантической эквивалентности омонимичных пар и образования языковых оппозиций и дифференцирующих характеристик данных пар, в целях избежания интерферентной опасности.

Ключевые слова: семантизация, лексические средства, межъязыковая омонимия, семантическое поле, близкородственные языки, контрастирование, языковая оппозиция, семантическая эквиваленция, интерферентная опасность.

Семантизация языка подлинника лексическими средствами языка перевода является одним из важнейших лингвистических вопросов как в теории перевода, так и в практике преподавания иностранного языка. С этой точки зрения, особое место принадлежит проблеме межъязыковой омонимии, т.е. проблеме возникновения слов двух языков, имеющих одинаковое или очень схожее графическое и/или звуковое отражение (омографы и омофоны), но с точки зрения семантики, отличающихся друг от друга.

В близкородственных языках, таких, как, к примеру, славянские, словами данной категории считаются те, схожесть которых (с учетом всех фонологическо-графических характеристик различных языков) обусловлена «существованием совместного морфологического фонда» [Радић-Дугоњић, 1991] во всех славянских языках, а также большим параллелизмом словообразовательных моделей. Поскольку, как указывает Маркова, «внутренний вид определенной лексемы, т.е. понятия, заложенного в основу ее значения, можно объяснить только на фоне материальной и духовной структуры данного языка, в контексте которого сама лексема и возникла или переформировалась, с точки зрения языковой эволюции» [Маркова, 2008].

При рассмотрении межъязыковой омонимии в процессе изучения иностранного языка наиболее важно, с одной стороны, воспрепятствовать отрицательным эффектам интерференции, а с другой, указать на структуральные совпадения и отличия двух языков.

Несмотря на то, что, как видно из практики, возникновение интерференции, в соответствии с терминологией Вайнрайха, который утверждает, что «это случаи отклонения от норм любого из языков, происходящие в результате владения двумя и более языками, т.е. вследствие языкового контакта» [Вайнрайх, 1979], интерференция в примарно-секундарном направлении наблюдается гораздо чаще, чем в противном случае, хотя влияние секундарного на примарный язык также имеет место. Из этого следует, что речь идет об ошибках, причина которых заключается в отождествлении лексических значений иностранного и родного языка учащегося.

В целях семантизации межъязыковых омонимов в русском и сербском языках одним из возможных упражнений, устраняющих отрицательную интерференцию иностранного на родной язык, со студентами нефилологами, для нас явилось фиксирование и анализ данного

лексического явления на корпусе статей в средствах массовой информации, авторами которых стали сербские корреспонденты, работающие в Москве.

При составлении упражнений мы пользовались сопоставительным методом, «который базируясь только на синхронии, старается установить различное, присущее каждому языку в отдельности» [Реформатский, 1987]. Задача студентов заключалась в фиксировании межъязыковых омонимов, значение которых оставалось русским, несмотря на то что они появлялись в сербских текстах; затем в определении их эквивалентов в сербском языке, а также переводных примеров по «двойному принципу» [Раичевич, 2006]: русская лексема/сербский переводный эквивалент, сербский омоним/русский переводный эквивалент (*столица/главни град, престоница, столица/стул*). Ради лучшей семантизации омонимичных пар мы старались привести кроме синонимов этих лексем (набрать, взять, собрать какое-либо количество чего-либо // *набрати, довольно убрати, берући закупити*), антонимов (если они есть) и однокоренные лексемы, указывая на различные префиксально-суффиксальные элементы каждой из лексем, находящейся в омонимичной паре (*столица / столичный // столица / устоличити се*).

Формируя языковые оппозиции с каждой из составляющих омонимической пары, мы устраним возможность интерференции, прежде всего семантической, поскольку, как утверждает Юсупов, «в задачу изучения языков в лингводидактических целях входят не только установления межъязыковых сходств и различий...но и определение методической релевантности сходств и различий, характер межъязыковых интерференций» [Юсупов, 1987].

Само упражнение мы обрабатывали на примерах межъязыковой омонимии в имени существительном и глаголе.

Омонимии на уровне имен существительных мы иллюстрировали примерами: *столица* и *поток*.

В первом примере:

Далеко од златних кубета белокамне столице, далеко од Москве ишло се у степе. (Политика 08.09.1960:04.)

Далеко от золотых купол белокаменной столицы, далеко от Москвы...

Очевидна оппозиция лексем *столица/столица*. И та, и другая мотивированы существительным мужского рода «стол» и суффиксом -ица. Несмотря на то что этот суффикс и в русском и в сербском языках характеризует диминутивы, здесь они употребляются в терминологическом значении. Омонимия вызвана особым значением лексем, развивающихся в разных направлениях, хотя и в рамках одного и того же семантического поля и семантического фона, что и является причиной различных сфер употребления.

Во втором примере:

Јужни поток, провучен дном Црног мора до Бугарске, сличан је политички пројекат. Политика, 28.12.2007:2,

Южный поток проложен по дну Черного моря до Болгарии...

Наблюдаем омонимичные отношения deverbальных существительных, мотивированных глаголом *течь/тећи* с суффиксом -ок. Омонимия вызвана взаимоотношением мотивирующих их глагольных основ. Причем и в том, и в другом случае в основном значении глагола присутствует процессуальность, но, если у русского члена пары она несет основное значение, у сербского процессуальность уже не является основным значением, которое получает конкретное имя существительное (*поток – мањи, краћи водени ток* [РСХКJ IV:589]). Процессуальность эти формально одинаковые члены осуществляют только в пропорции: основное значение в русском языке – одно из косвенных в сербском.

Омонимии на уровне глаголов мы иллюстрировали примером *набрать*.

Јулија Тимошенко није набрала потенцијала да би сама господарила средином. Политика 05.10.2007:3;

Юлия Тимошенко не набрала потенциала для того, чтобы сама....

Речь идет о глагольной омонимичной паре, основание и аффиксы у которой одинаковые. И тот и другой элемент пары принадлежит группе глаголов, мотивированных глаголом *брать/брати*. Омонимичность примера обусловлена неодинаковым значением префиксальных глаголов с префиксом *на-* как в русском, так и в сербском языках. Семантика глагола «набрать» в русском языке подразумевает постепенно собрать, а в сербском в большой степени.

В первом предложении (Далеко од златних кубета белокамне **столице**, далеко од Москве ишло се у степе) студенты без особого труда правильно фиксировали межъязыковую омонимичную пару столица/*столица*, точно определив значение обоих членов пары (и в русском языке столица – административно-политический центр государств [СТСРЯ : 779]), и в сербском языке (основное значение слова *столица* – *наместај за седење, за једну особу* [РСХКJ V :1035] предмет мебели для одного человека). Кроме того, они правильно определили семантику переводного эквивалента, указав, что русскому слову столица в сербском языке отвечают слова: *главни град, престоница* (главный город государства, престольный город). Сербской же лексеме *столица* эквивалентом в русском языке является русское слово стул. В соответствии с этим студенты правильно перевели на сербский язык следующий пример:

Само название «Самара», в обратном (арабском) прочтении – «А-Рамас» означает «Рим», «**столица**». // Само име «Самара», кад се чита на обрнути (арапски) начин значи «А-Рамас», «Рим», «**престоница**».

Таким же способом они правильно с сербского на русский язык перевели предложение: Он седе на **столицу** и осмехну се. // Он сел на **стул** и улыбнулся.

Во втором примере (*Јужни **поток**, провучен дном Црног мора до Бугарске, сличан је политички пројекат,*) студенты лишь после того, как им объяснено значение каждой из составных пар (в русском языке: «поток» – 1. стремительно текущая река или ручей; 2. движущаяся в каком-л. направлении масса чего-л. [СТСРЯ : 589] а в сербском: 1. *мањи, краћи природни водени ток* [РСХКJ IV: 794] *водный поток, текущий струей*), были в состоянии самостоятельно определить переводные эквиваленты русской лексемы *поток* в сербском языке: ток, бујица, струја, река. Они также правильно поняли, что семантическим эквивалентом сербской лексемы *поток* в русском языке является русская лексема «ручей», о чем свидетельствовали и точные переводы предложений как с русского, так и на русский язык: **Поток** машин медленно тянулся по мокрому мосту. // **Река** аутомобила полако се кретала по мокрому мосту; **Убеђен сам да се овај **поток** улива у океан.** // Я уверен, что этот **ручей** впадает в океан.

В случае же глагольной омонимии (Јулија Тимошенко није **набрала** потенцијала да би сама господарила средином) студенты с трудом почувствовали омонимичность пары *набрать/набрати*. Однако после того, как значения этих лексем стали им понятны (в русском языке *набрать* – 1. собрать в каком – л. количестве; 2. – постепенно увеличивая, достичь нужной степени чего-н.; в сербском языке *набрати* [СТСРЯ: 368]: 1– *довольно убрати, берући накупити*, достаточно снять, сорвать убирая), почти все правильно определили сербский эквивалент русскому глаголу *набрать* – *сакупити*, а в качестве русского эквивалента сербскому глаголу *набрати* – глагол «собрать». Правильное семантическое употребление составляющих этой пары мы заметили в адекватном переводе следующих предложений: Чтобы избраться, губернатор, согласно поправкам, должен **набрать** 50 % плюс один голос всех избирателей региона. // **Да би био изабран губернатор, у складу са амандманима, мора да сакупи 5 0% плус један глас од читавог бирачког тела.; Можете да орете земљу и берете воће и поврће.** // Вы можете пахать землю и **собирать** фрукты и овощи.

С дидактической точки зрения, данные примеры из практики преподавания русского как иностранного языка студентам нефилологам свидетельствуют о необходимости решения проблемы межъязыковой омонимии в процессе получения коммуникативной компетенции. Указанные примеры дают понять, что в структуре двух языков омонимичные пары осложняют

процесс правильного и успешного усвоения иностранного языка, а также сам процесс перевода. В целях избежания явления семантической дивергенции в процессе обучения русскому языку в сербской языковой среде, а также в других близкородственных языках необходимо восстановить лексические оппозиции, которые подчеркивают отличающие характеристики межъязыковых омонимичных пар, ибо, как писал Р. Кошутич [Кошутич 1910: IX], «...в словах одинаковых или похожих по форме нужно улавливать различия между своим и русским языком». Решению данного вопроса, с нашей точки зрения, могут оказать существенную помощь и учебные словари, каких всего лишь несколько в сербской языковой среде (Станкович, Тошович, Мароевич)? в рамках которых предлагаются особые списки омонимичных пар и их внутренних взаимоотношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вайнрайх, У. Одноязычие и многоязычие / У. Вайнрайх. – М: Новое в лингвистике, 1992.
2. Кошутич, Р. Примери књижевног језика српског / Р. Кошутич. – Београд: Државна штампарија краљевине Србије, 1910.
3. Маркова, Е.М. Национально-культурный компонент семантики межъязыковых омонимов в славянских языках / Е.М. Маркова. – МАПРЯЛ, Београд: Славистичко друштво Србије, 2008.
4. Маројевић, Р. Лингвистика и поезика превођења / Р. Маројевић. – Београд: Научна књига, 1998.
5. Радић-Дугоњић, М. Међујезички хомоними и пароними у руском и српскохрватском језику / М. Радић-Дугоњић. – Горњи Милановац: Дечје новине, 1991.
6. Раичевић, В. Лексика и семантизација / В. Раичевић. – Београд: Чигоја, 2006.
7. Реформатский, А.А. Лингвистика и поэтика / А.А. Реформатский. – М: Наука, 1987.
8. Юсупов, У.К. Проблемы сопоставительной лингвистики / У.К. Юсупов. – Ташкент: Фан, 1987.

СПИСОК ЛЕКSIКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Речник српскохрватског књижевног језика. – Нови Сад, Загреб: МС МХ, 1967.
2. Современный толковый словарь русского языка. – Санкт-Петербург: Норинт, 2001.
3. Фасмер М Этимологический словарь русского языка. – М: Прогресс, 1987.

Материал поступил в редакцию 03.07.17.

THE ISSUE OF INTER-LANGUAGE HOMONYMY IN THE TEACHING RUSSIAN LANGUAGE IN A SERBIAN LINGUISTIC ENVIRONMENT

M. Pavlović-Šajtinac, Doctor of Philological Sciences
Belgrade, Republic of Serbia

Abstract. *This article deals with the semantisation of the source language by the lexical means of the target language as one of the key issues of the theory and praxis of foreign language teaching, where the issue of inter-language homonymy is on the front burner. Also we analyse the examples of comparison of semantic equivalence of homonym couples and examples of language opposition formation and the differential characteristics of these couples for avoiding the interference issues.*

Keywords: *semantisation, lexical means, inter-language homonymy, semantic field, sister languages, contrasting, language opposition, semantic equivalency, interference issues.*

УДК 80

ВЫРАЖЕНИЕ ПОЛОЖИТЕЛЬНЫХ И ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ ЭМОЦИЙ В РУССКОМ МОЛОДЕЖНОМ СЛЕНГЕ

Саня Аслановски Токич, преподаватель хорватского и русского языков
Филологический факультет (Загреб), Хорватия

Аннотация. В данной статье рассматриваются лексические средства выражения эмоциональности в речи молодежи на материале словаря «Молодежный сленг – толковый словарь» Т.Г. Никитиной [4]. В статье делается попытка раскрыть способы, которыми эмотивная семантика слова мотивирует языковые номинации предметного мира.

Ключевые слова: молодежный сленг, эмотивная лексика.

Сленг – трактовка термина

В российском языкознании понятие *сленга* завоевывает большое внимание современных филологов. Растущий интерес обусловлен постоянным процессом изменения и пополнения лексического пласта разговорной речи, которым пользуются разные профессиональные и социальные группы (сленг музыкантов, рэперов, байкеров и т.д.). Как наиболее динамичная лексическая часть современного языка, отражающая общественные изменения социально-экономической сферы культуры, молодежный сленг противопоставляется нормам литературного языка, чьи границы он нередко переходит и заменяет литературные эквиваленты более экспрессивными вариантами.

В настоящее время существуют несколько определений данного лингвистического феномена. Многие исследователи не разграничивают жаргон и сленг как два разных явления в языке и чаще всего эти термины считаются синонимичными.

Лингвистический энциклопедический словарь – М.: Советская энциклопедия, В.Н. Ярцева, 1990. [3]

Сленг – 1) то же что жаргон; 2) совокупность жаргонизмов, составляющий слой разговорной лексики, отражающей грубовато-фамильярное, иногда юмористическое отношение к предмету речи.

Жаргон – 1) разновидность речи, используемой преимущественно в устном общении отдельной относительно устойчивой социальной группой, объединяющей людей по признаку профессии или возраста.

Большой энциклопедический словарь, 2000. [2]

Сленг 1) то же что жаргон, преимущественно в англоязычных странах; 2) вариант разговорной речи (в т.ч. экспрессивно окрашенные элементы этой речи), не совпадающий с нормой литературного языка.

Жаргон – социальная разновидность речи, отличающаяся от общенародного языка специфической лексикой и фразеологией.

В российском языкознании чаще всего приводятся определения В.А. Хомякова и О.С. Ахмановой.

Хомяков, В.А. Нестандартная лексика в структуре английского языка национального периода: автореф., Л., 1980. 168 с. [6]

«сленг – это относительно устойчивый для определенного периода, широко употребительный, стилистически маркированный (сниженный) лексический пласт (имена существительные, прилагательные и глаголы, обозначающие бытовые явления, предметы и признаки), компонент экспрессивного просторечия, входящего в литературный язык, весьма неоднородный по своим истокам, степени приближения к литературному стандарту, обладающий пейоративной экспрессией»

Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов, М. Советская энциклопедия, 1966. [1]

Сленг: 1) Разговорный вариант профессиональной речи.

2) Элементы разговорного варианта той или другой профессиональной или социальной группы, проникая в литературный язык или вообще в речь людей, не имеющих прямого отношения к данной группе лиц, приобретают в этих разновидностях языка особую эмоционально-экспрессивную окраску (особую лингвостилистическую функцию). Сленг профессиональный.

Рассмотрев вышеперечисленные определения сленга, мы будем рассматривать термин *сленг* как синоним слова *жаргон*, опираясь на трактовку термина Т.Г. Никитиной, автора словаря *Молодежный сленг: толковый словарь* [4], который послужит источником для нашего исследования. Никитина определяет *сленг* как социальную разновидность речи, характеризующуюся экспрессивной переосмысленной лексикой, фразеологией и особыми словообразовательными средствами.

Молодежный сленг и эмоциональность речи

Главным признаком молодежного языка является эмоциональность и экспрессивность, которые делают речь молодежи более выразительной и живой. Разнообразными языковыми средствами молодежь пытается утвердить свою индивидуальность и принадлежность к определенной группе, объединенной общими интересами, а также установить контакт между собеседниками для быстрого обмена информацией. На первый план в молодежном сленге выходит экспрессивная функция, которая всем словам и устойчивым выражениям придает определенную эмоциональную нагрузку и оценку. Активно используя прием переносного, метафорического употребления литературных слов, сленговые слова создают эффект новизны и нередко начинают употребляться широкими кругами общелитературного языка, неограниченными социальными рамками.

Характерными чертами современного молодежного сленга являются спонтанность, разговорность, образность и остроумие, выражающие самые разнообразные эмоции и эмоциональные отношения к чему/кому-либо.

Проблема описания лексической эмотивности в российской лингвистике оказалась в центре внимания во второй половине XX века, когда термин «эмотивность» начал рассматриваться за пределами психологии и физиологии, в рамках лингвистических направлений. В данной статье мы рассмотрим основные положения теории эмотивности языковых единиц, предложенных В.И. Шаховским, с помощью которых попытаемся описать, какими языковыми средствами молодежь выражает свои положительные и отрицательные эмоции в устном общении.

Чтобы изучить особенности проявления положительных и отрицательных эмоций в русской речи молодежи, следует различать такие понятия, как *эмоциональность* и *эмотивность*. Основные положения теории эмотивности развиты в работе В.И. Шаховского *Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка* [5]. Шаховский предлагает следующее определение данных терминов: *эмотивность* – категория психологии, которой в языковой сфере соответствует категория *эмотивности*. Для Шаховского *эмотивность* «имманентно присутствующее языку свойство выражать системой своих средств эмоциональность как факт психики;

отраженные в семантике языковых единиц социальные и индивидуальные эмоции» [5, с. 24]. При этом эмотивность всегда отражает субъективное отношение говорящего, проявляющееся в семантической структуре слова, в корреляции с коннотацией лексической единицы. Согласно Шаховскому, эмотивное значение слова не отражает эмоции только данного говорящего, а представляет собой отражение обобщенной социальной эмоции и служит для выражения эмоциональной оценочности объектов мира через эмоциональный тип речевых образцов.

Классификация эмотивной лексики, предложенная В.И. Шуховским, отличает три типа эмотивов: 1) *эмоциональные слова – аффективы*, неоднозначные слова в функции эмоциональных восклицаний, используемые в качестве эмоциональных междометий (блин, ладушки, сюр); 2) *слова и выражения с эмоциональным значением* – слова, которые не только выражают эмоциональные состояния говорящего, но имеют и номинативную функцию, называя переживаемую эмоцию (тащиться, обалдеть, зашизеть); 3) *слова с эмоциональным компонентом значения*, которые называют данный субъект, одновременно выражая отношение к нему говорящего (свиномат/студент сельскохозяйственной академии, истерик/студент исторического факультета, жандарм/учитель).

В данной работе, мы приступили к исследованию аффективов, выражающих эмоциональное состояние говорящего и его отношения к предмету, адресату речи или ситуации общения, а также к исследованию слов с эмоциональным значением. Материалом для исследования послужил словарь Т.Г. Никитиной «*Молодежный сленг: толковый словарь*» [4].

Сленговые слова-эмотивы

Основная функция аффектива – непосредственное выражение эмоций субъекта, без ее наименования. Данные слова могут выражать самые разнообразные положительные и отрицательные эмоции, как удивление, восторг, удовольствие; вплоть до чувства раздражения, досады или полного равнодушия. К аффективам относят междометия, междометные слова, бранные слова и ругательства, которые не имеют логико-предметного значения, но выступают в речи как односоставные предложения.

Анализируя сленговые слова, в которых отражаются эмоциональные переживания говорящего, мы особое внимание обратили на лексические единицы, которые не описывают эмоции и не имеют номинативного значения. Сленговые слова в функции аффективов в основном выражаются с помощью междометий, насыщенных эмоционально-экспрессивной окраской. Эмоционально оценочные междометия образуются от значимых слов, которое потеряли свои номинативные функции. В молодежном сленге особенно популярно в новое время использование междометий, заимствованных из английского языка (*оки, фак, мазафака*).

<i>Досада и раздражение</i>	<i>Восхищение, восторг, удивление</i>	<i>Согласие</i>
<i>блин</i>	<i>блин</i>	<i>ладушки</i>
<i>дряга</i>	<i>вау</i>	<i>оки</i>
<i>западло</i>	<i>офигеть</i>	
<i>мазафака</i>	<i>ни прика себе</i>	
<i>в облом</i>	<i>птютч</i>	
<i>отпад</i>	<i>сюр</i>	
<i>писец</i>	<i>ни фига себе</i>	
<i>фак</i>	<i>тащ</i>	
	<i>угар</i>	
	<i>отвал</i>	

К словам и выражениям с эмоциональным значением относятся сленговые слова, которые называют переживаемую эмоцию. Анализ таких лексических единиц показал, что

большое количество разнообразных эмоций выражается с помощью глагольных конструкций. Меньшее количество эмотивов с номинативной функцией выражено существительными.

<i>борзеть</i>	находиться в нервном состоянии
<i>виштырить</i>	о состоянии крайнего удивления
<i>грохнуть</i>	сильно удивиться
<i>грузиться</i>	переживать, рассматриваться, пребывать в состоянии депрессии
<i>депресовать</i>	находиться в депрессии
<i>задепресневеть</i>	впасть в депрессию
<i>затухнуть</i>	загрустить, попасть в депрессию
<i>зашизеть</i>	испытать сильное удивление, потрясение
<i>кайфовать</i>	передаваться наслаждению, радости, получать удовольствие от чего-л.
<i>канаться</i>	волноваться, переживать
<i>кексовать</i>	расстраиваться
<i>кипешевать, кипишевать</i>	нервничать, суетиться
<i>кислиться</i>	грустить
<i>колбасить</i>	о состоянии депрессии
<i>морозить</i>	волноваться, переживать о чем-л.
<i>обалдеть</i>	испытать восторг, восхищение чем-л, кем-л.
<i>оприкеть</i>	сильно удивиться
<i>отвалиться</i>	очень удивиться
<i>тащить</i>	выражение восторга, приятного удивления
<i>депресняк, депресеуха, депрь</i>	депрессия
<i>пофигизм</i>	апатия
<i>респект</i>	уважение
<i>смурь</i>	грусть
<i>спокуха</i>	спокойствие

В эту же группу эмоциональных единиц с номинативной функцией входят эмотивы, представляющие собой сочетания существительных с предлогом, как и фразеосочетания.

уйти в даун	погрузиться в депрессию
сесть на измену	испугаться
пойти в костку	обидеться
рвать крышу	сердиться
быть в мандраже	бояться
на фиг	равнодушие
быть в откате	веселье, удивление
в оттяг	удовольствие
по сараю	равнодушие
быть в тасках	восторг
в кайф	удовольствие

Отдельную лексическую группу составляют сленговые слова в форме наречия, выражающие положительные и отрицательные чувства говорящего.

авторитетно	как следует, хорошо, прилично
фигово	плохо
хайфай	прекрасно, превосходно
центрово	превосходно, отлично

басенько, баяво	отлично, превосходно
бородато	отлично, превосходно
горбато	отлично, превосходно
готично	отлично, превосходно
единофигстенно	безразлично
железняк	отлично, превосходно
жѐестко	отлично, прекрасно
заколото	хорошо, ладно, договорились
замѐтано	хорошо, ладно, договорились
заништяк	хорошо, прекрасно, превосходно
здоровски	отлично, хорошо
кально	скверно, плохо
кислотно	прекрасно
клѐво	хорошо, прекрасно, отлично

Сленговые слова в различных ситуациях могут выражать эмоции, противоположные по значению, в зависимости от ситуации. Например, слово *блин* в одном контексте может выражать досаду и раздражение (*Ну, где паспорт может быть, блин!?*), тогда как в других контекстах свидетельствует о чувствах удивления, восхищения или одобрения (*Блин, вот это прикид!*). В эту группу сленговых слов относят и полиэмоциональные лексические единицы, с помощью которых в разговорной речи говорящий может выразить любую эмоцию.

ёлы-палы	обида, сожаление, восторг, радость, гнев и др.
ваще	любая сильная эмоция
забой	высшая степень любой эмоции
заништяк	любая положительная эмоция
кайф	любая приятная эмоция
ссать кипятком	любая сильная эмоция
кобзон	любая сильная эмоция
кранты	любая эмоция
маракеш	любая отрицательная эмоция
монтана	любая положительная эмоция
в натуре	любая отрицательная эмоция
обалдайс	любая сильная эмоция
облом	любая отрицательная эмоция
отпад	восхищение, радость/ досада, раздражение
плющить	депрессия, восторг
птюч	положительные эмоции
ре мажор	радость, тоска, депрессия
смерть птенцу	восторг, раздражение
таска	любая сильная эмоция
убой	любая сильная эмоция
в умат	любая сильная эмоция

В материале нашего исследования было выявлено 300 эмотивов. Основываясь на данных семантизации заголовочных слов в словарных статьях словаря «*Молодежный сленг – толковый словарь*», все эмотивы можно разделить на следующие группы, приведенные ниже в таблице, представляющей количественное отношение эмотивов. К данным эмотивам причислили сленговые слова, которые выражают не только положительные или отрицательные эмоции, а и эмоциональное безразличие или равнодушие.

досада, раздражение	84
удивление, восхищение, восторг	106
депрессия, грусть	41
согласие	14
страх	12
благодарность	10
равнодушие	33

Исследование количественного отношения эмотивов на материале данного словаря показало, что по количеству лексических единиц наиболее значительной является группа *удивление, восхищение, восторг*. Это приводит нас к выводу, что внимание молодежи привлекают такие явления и предметы, которые вызывают у них позитивные чувства, вызывая желание выразить свои эмоциональные отношения к данным явлениям, более ярко, экспрессивно, с позитивной оценкой.

Заключение

В данной статье были рассмотрены лексические средства выражения эмоционального состояния в речи молодежи, на материале словаря *«Молодежный сленг – толковый словарь»* Т.Г. Никитиной [4]. Исследуя вербальное выражение эмоций в разговорной речи молодежи, попытались раскрыть, какими способами эмотивная семантика слова мотивирует языковые номинации предметного мира.

В ходе исследования было установлено, что большое количество эмотивов выражается в форме междометий, глагольных конструкций и наречий, манифестируя разнообразные эмоции, от удивления, досады или грусти до равнодушия, благодарности и согласия.

Проведенное исследование показало, что понятия сленг и эмоциональность тесно взаимосвязаны между собой. Сленг в молодежной среде вместе с коммуникативной и номинативной функциями выполняет и эмоционально-выразительную функцию, показывая, что употребление сленгизмов в разговорной повседневной речи способствует эмоционализации коммуникации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М. Советская энциклопедия, 1966.
2. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. Изд-е 2-е, перераб. и доп. – М.-СПБ.: Большая рос. энцикл.; Норинт, 2000
3. Лингвистический энциклопедический словарь – М.: Советская энциклопедия, В.Н. Ярцева, 1990.
4. Никитина, Т.Г., Молодежный сленг – толковый словарь / Т.Г. Никитина. – Москва, 2009.
5. Шаховский, В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В.И. Шаховский. – Воронеж, 1987.
6. Хомяков, В.А. Нестандартная лексика в структуре английского языка национального периода: автореф. / В.А. Хомяков. – Л., 1980.

Материал поступил в редакцию 05.07.17.

EXPRESSION OF POSITIVE AND NEGATIVE EMOTIONS IN THE RUSSIAN YOUTH SLANG

Sanja Aslanovski Tokić, Teacher of the Croatian and Russian Languages
Philological Faculty (Zagreb), Croatia

***Abstract.** This article deals with the lexical means of expressing emotional state in the speech of young people, using 'The Russian Dictionary of Youth Slang – A Glossary' by T.G. Nikitina [4]. It reveals how the semantics of emotion-expressing words motivates the linguistic naming of the objective world.*

***Keywords:** youth slang, emotion-expressing words.*

UDC 80

THE PROCESS OF CODE SWITCHING AS THE MOST IMPORTANT PSYCHOLINGUISTIC ASPECT OF LANGUAGE CONTACTS

E.V. Tutova, Postgraduate Student, Assistant Professor
Peoples' Friendship University of Russia (Moscow), Russia

Abstract. *Recent studies have been exploring code switching as a separate aspect. Today studies of the psychological aspect of code switching are of the utmost interest for the psycholinguists, since this phenomenon, before its formal expression in speech, passes a certain algorithm in the mind of a person. So, code switching can be regarded as a way to create contrast at the paradigmatic level and as a means of expression. The use of code switching as a way of expression is most typical for the generations of millennials.*

Keywords: *bilingualism, bilingual, code switching, linguists, psychological approach, inter-language process, language contacts.*

Linguists have been arguing for the decades trying to understand the real role of the term code switching in daily bilingual speech. Code switching is the process of transition of an individual from one language to another during a communicative act in order to convey their communicative intentions more clearly. For successful implementation of the process of code switching, there must be direct contact between languages.

The psycholinguistic approach to the study of code switching among the bilingual environment explains which aspects of the language ability of bilinguals allow them to change codes. Most often, the choice of a foreign language means the rejection of a synonymic form already available in the system of the receiver, thereby opposing an alternative way of expressing communicative intentions in a foreign language. For example:

Linguists turn to psycholinguistic models of bilingual speech to identify the links between the structural parameters that characterize them from a grammatical point of view, therefore, they help to assess how much code switching is assimilated into the grammatical structure of the target language, that is, the language into which bilinguals pass, to make their communication ideas clearer. So, code-switching can be seen as a way to create contrast at the paradigmatic level and switches themselves as expressive means. Let us consider an example in order to more clearly express the above theory: This preeminence reached its apotheosis at the 2015 Met gala, when Beyoncé, Kim Kardashian West, and Jennifer Lopez in their respective Givenchy, Cavalli, and Versace semi-sheer dresses exhibited their *jolie rondeur* to the gasps of the rest of humanity [13].

This example of semantic interference observes the author trying to emphasize the beauty and elegance of female forms in the stylistically colored phraseology of *jolie rondeur*.

From this we can conclude that code switching can participate in the creation of a stylistic reception along with other linguistic means. Translation of such phrases is possible due to the correlation of textual representations by means of the model of the situation. This is not so easy to notice if two languages have almost the same structure of language elements, where the second language is just as implicit as in the first. As a rule, the translator will resort to the phenomenon of calculating, which is carried out according to the models that have settled in the given language. Two people can get the same information but perceive it as two completely different messages. However, the differences in interpretation should not be related to the level of representation of the text, they should function at the level of the situation models. But if the situation is different, when, for example, the cultural code of the source language differs greatly from the language of translation, then

an explicit model of the situation is required for translation, otherwise it will not be possible to make a meaningful reference on the recipient language.

One of the most important models in psycholinguistics is the model of marking by K. Myers-Scotton. According to her theory, in any multilingual community, each language is associated with certain social roles, which the linguist calls rights-and-obligations sets. The main idea of this theory is the “negotiating principle”: during the dialogue, the choice of code is carried out in such a way that it determines the sets of rights and duties of interlocutors in this particular communicative situation.

Nowadays, the freedom to choose a particular language for speaking is closely linked to new communication technologies. Messaging and chats provide the opportunity to communicate online face to face using the minimum of language vocabulary, while blogs and emails are capable of transmitting large messages, covering a huge audience. Such ways of disseminating information allow and even encourage the use of non-standard forms of written language, linguistic creativity and improvisation. We live in an era when the connection between ideology and cultural identity is constantly weakening and various representatives of ethnic cultures with their traditions and languages are easily assimilated. In our time, responsibility for cultural values and linguistic communication is of no importance, whereas mobility and communication technologies simplify language and communicative creativity. Native speakers and people speaking a particular language are exploring new communication channels and together share the responsibility for creating innovative communication levels. Linguistic theories created by linguistic personalities and individuals operating in several linguistic structures complement theories of pluralism and serve as a creative tool for dynamically developing multilingualism. We can safely say that we observe the process of the transition of language management from state institutions to ordinary linguistic personalities. In practice, this could mean breaking the language rules and moving from traditional charters to the needs of a linguistic society.

Y. Matras refutes the theory that foreign inclusions are “prestigious”, “socially-motivated” and “subject to social pressure” without a definite connection with social conditions, the influence of the spoken language and communicative intentions, as well as the special functional role of the given structure or category [8].

Contact linguistics and bilingualism call into question multilingualism as a cumulative addition to the permanent autonomous linguistic system. Multilingualism is considered as the dynamics of the development of the language of each linguistic individual, the purposeful and creative use of linguistic structures, as well as the totality of communicative means used in the course of conversation with other individuals.

Experiments, within the framework of linguistic theory have important advantages for controlling various external factors interfering with the process of code switching. However, in recent years more and more psycholinguists have resorted not to artificially creating communication situations but to manipulating real conversational and journalistic situations. Linguists in the laboratories are trying to reproduce the process of code switching, using more experimental approaches, such as evaluating data on perception, reproduction and dialogue speech.

J. Kootstra believes that future studies of code switching can focus on activating interlanguage processes at other levels, in addition to lexical (triggering) and syntax (shared word order) [5].

Linguists can resort to the confederate-scripting experiment, in which the emphasis and behavior of individuals who code switch is manipulated to investigate whether these factors influence the behavior of a real conversation participant. In the first study of that type between German-speaking and Danish-language bilinguals, H. Antied showed that for the experimental participant (confederate), the main thing is to learn to adapt to a strong or easy accent, not letting the real participants in the conversation understand what he manipulates them into doing.

Another area for future research is the study of the role of everyday language among participants in a conversation. The tendency to code switch in a dialogue with a partner depends on how

“normal” it is for the participants in a conversation to switch the code in real life. Residents of minority communities in which code switching is a socially grounded conversation mode may not even be aware that the code switching phenomenon is used in their speech, because they treat it as a usual phenomenon. This can be cognitively reflected in the framework of sufficiently blurred mental barriers between different languages. M. Greene in 2011 [4] suggested that the everyday vocabulary of groups of bilinguals can have a direct impact on certain parts of the brain that are responsible for the bilingual language process. However, for future research, it is worth taking into account the language vocabulary of not only linguistic groups, but also individual linguistic personalities.

So, it should be noted that code switching is used by bilinguals not only for convenience, but often also in order to emphasize their social role, status or belonging to any language group. Code switching has a huge language potential for creating new lexical units of language due to the large number of socio-pragmatic functions of this phenomenon observed in the speech of bilinguals. Often, code switching is observed between those languages, grammatical and lexical structures of which allow them to be mixed. Code switching, as a rule, is always marked, so that it could reflect the intentions of the speaker to pay attention to a certain speech element. As a rule, the use of code switching is most typical for generations of millennials, who, thanks to the era of social networks, rewrite languages and make language phrases that previously seemed impossible.

REFERENCES

1. Clyne, M. Dynamics of language contact. English and immigrant languages / M. Clyne. – Cambridge University Press, 2003.
2. De Bot, K. Word production and the bilingual lexicon / K. De Bot, R. Schreuder. – Bilingual Lexicon, 1996.
3. Gardner-Chloros, P. Code-switching / P. Gardner-Chloros. – Cambridge University Press, 2009.
4. Green, Georgia M. Modelling grammar growth: universal grammar without innate principles or parameters / Georgia M. Green // *Non-transformational Syntax: a guide to current models*. – Oxford : Wiley-Blackwell, 2011.
5. Kootstra, J. Bilingualism: Language and Cognition, special issue on Cross-linguistic priming in bilinguals: Multidisciplinary perspectives on language processing, acquisition, and change, together with prof. dr. Pieter Muysken / J. Kootstra // *Linguistic Approaches to Bilingualism*, 2016.
6. Levelt, W. J. M. Accessing words in speech production: stages, process and representations / W. J. M. Levelt. – *Cognition*, 42, 1992.
7. Levelt, W. J. M. Speaking: from intention to articulation / W. J. M. Levelt. – Cambridge, MA: M.I.T. Press, 1989.
8. Matras, Y. An activity oriented approach to contact-induced language change / Y. Matras // *Language Contacts. Humanities. University of Manchester*. – URL : [http://languagecontact.humanities.manchester.ac.uk/YM/downloads/Matras,%20Y.%20\(2012\)%20An%20activity-oriented%20approach%20to%20contact-induced%20language%20change.pdf](http://languagecontact.humanities.manchester.ac.uk/YM/downloads/Matras,%20Y.%20(2012)%20An%20activity-oriented%20approach%20to%20contact-induced%20language%20change.pdf) (дата обращения: 28.04.2017), 2012.
9. Myers-Scotton, C. Bilingual Strategies: The Social Functions of Codeswitching / C. Myers-Scotton, W. Ury // *Journal of the Sociology of Language*, 1977.
10. Myers-Scotton, C. Contact linguistics / C. Myers-Scotton. – Oxford : Oxford University Press, 2002.
11. Myers-Scotton, C. Codeswitching as socially motivated performance meets structurally motivated constraints. Thirty Years of Linguistic Evolution / C. Myers-Scotton. – Amsterdam : John Benjamins, 1992.
12. Myers-Scotton, C. Duelling languages. Grammatical structure in Codeswitching / C. Myers-Scotton. – Clarendon Press, Oxford, 1993.
13. Vogue USA September, 2015.

Материал поступил в редакцию 13.06.17.

ИЗУЧЕНИЕ ПРОЦЕССА ПЕРЕКЛЮЧЕНИЯ КОДА КАК НАИБОЛЕЕ КРЕАТИВНОГО АСПЕКТА В РАМКАХ ТЕОРИИ ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ

Е.В. Тутова, аспирант, ассистент преподавателя
Российский университет дружбы народов (Москва), Россия

***Аннотация.** Ученые-лингвисты достаточно недавно начали изучать кодовое переключение как отдельное явление. Изучение психологического аспекта переключения кода представляет особый интерес для лингвистов, так как это явление до своего формального выражения в речи проходит определенный алгоритм в сознании человека. Итак, кодовое переключение рассматривается учеными, как способ создания контрастов на парадигматическом уровне и как универсальное средство выразительности, которое наиболее типично для современного поколения миллениалов.*

***Ключевые слова:** билингвизм, билингвальный, кодовое переключение, лингвисты, психологический подход, межъязыковой процесс, языковые контакты.*

УДК 811.161

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА ДОНСКИХ КАЗАКОВ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА ЛЮДМИЛЫ МАГЕРОВСКОЙ «В ЖЕРНОВАХ»)

Т.А. Дьякова, кандидат филологических наук, доцент
Луганская государственная академия культуры и искусств имени М. Матусовского,
г. Луганск

Аннотация. В работе рассмотрен фрагмент языковой картины мира донских казаков. Анализ выполнен на материале художественного текста современного произведения. Диалектные лексемы, представленные в романе Л. Магеровской «В жерновах» разделены на несколько тематических групп: номинация людей; наименования блюд традиционной кухни; флоронимы; названия предметов мебели, ее деталей; наименования хозяйственных емкостей, посуды; названия различных хозяйственных предметов, обуви. Для исследования диалектного материала использованы различные лексикографические источники и архивные полевые записи автора, сделанные в населенных пунктах анализируемого ареала.

Ключевые слова: языковая картина мира, диалект, донские говоры, донские казаки, этимология, лексема, этнокультура, символ.

Языковая картина мира отражает познание окружающих реалий человеком, опыт народа, выявляет своеобразие национального видения. Каждый индивидуум, хотя и тесно связан с членами языкового коллектива, имеет свое интеллектуальное и языковое лицо.

Русские народные говоры являются живым воплощением особой русской традиционной культуры [5, с. 11], не являются исключением и донские. Живая речь донских казаков – яркое, самобытное культурное явление. Безусловно, использование особенностей народной речи придает особое звучание литературным произведениям, отражающим жизнь донского казачества. Писатели, вводя в произведение диалектизмы, не только создают особый колорит данной местности и речевые портреты персонажей, но и берегут эти слова для последующих поколений [18, с. 664].

Изучению донских казачьих говоров в последние десятилетия посвятили исследования Л. К. Алахвердиева [1; 2], Е. В. Брысина [5], Н. А. Власкина [6], М. А. Захарова [8], М. В. Калинина [10], Е. В. Ненькина [13], И. А. Туркулец [18] и другие лингвисты.

Цель работы – проанализировать особенности языковой картины мира донских казаков на материале романа Людмилы Магеровской «В жерновах» [11]. Объектом изучения стал текст романа «В жерновах», предметом – особенности языковой картины мира донских казаков.

Роман «В жерновах» – не просто художественное произведение с вымышленными писателем персонажами и событиями. Это летопись жизни семьи, проживающей на хуторе Прогной Тарасовского района Ростовской области. Автор, являясь уроженкой соседнего хутора, Митякина, прекрасно ориентируется и в событиях, и в топонимике описываемой местности, что придает произведению убедительную правдоподобность. События, отраженные

в романе, охватывают временной промежуток от начала 30-х до конца 60-х годов XX века прошлого столетия. Достоверному описанию местности, обычаев, традиций служит и органичное использование в произведении диалектной речи, которая является еще и речевой характеристикой персонажей.

Анализируя диалектную речь романа «В жерновах», остановимся на лексических диалектизмах. Таковыми будем считать местные названия предметов, явлений, имеющие в литературном языке синонимы. Со стилистической целью как контекстуальные синонимы будем использовать понятия диалектная лексика, диалектные лексемы, лексические диалектизмы, ареальные лексемы, не имея в виду полную тождественность названных терминов.

Учитывая ограничения, обусловленные объемом статьи, для анализа привлекаем далеко не полный перечень диалектной лексики романа, выделяя такие тематические группы:

1) номинация людей, демонимы: *нянька* ‘старшая сестра’ [3, с. 325]: *Здорово, нянька, здорово, племяши...* [11, с. 8]. Не случайно старшую сестру называли, да и сейчас люди старшего поколения называют [А. А. – архив автора, записи сделаны на хуторе Митякин Тарасовского района, Т. Д.] *няней, нянькой*, поскольку в традиционно многодетных семьях именно старшая сестра становилась для младших нянькой, во многом заменяя мать. Обращением к близким, чем-то дорогим людям стало слово *жалочка* ‘любимая’ [14, с. 43]: ... *они ж ишо маленькие, мои жалочки...* [11, с. 21]. Как обращение к мужчине используется и слово *жалкый*: *Жалкый мой, чем же я табе подсаблю!* [А. А.].

Всякое упоминание нечистой силы для казаков является своего рода нарушением речевого этикета. Одним из эвфемизмов, обозначающих черта, является слово *грец* ‘черт, нечистый’, бран. [3, с. 118]: ... *грец их знает, чи белые, чи красные, а перебили 16 братов моих...* [11, с. 14]. Вызывает интерес собственно толкование этой лексемы различными лексикографическими источниками. Так, авторы «Словаря русских народных говоров» поясняют слово как ‘дьявол, злой дух; черт, леший’, приводя богатый иллюстративный материал из разных русских говоров и давая ссылку на украинское слово *грець* [15, вып. 7, с. 135]. Словари украинского языка толкуют слово как ‘апоплексический удар, паралич’ [16, т. 1, с. 324], ‘дьявол, нечистый дух, домовый’, выводя слово от глагола *играти*, обусловленного необычными движениями больных [9, т. 1, с. 592]. Таким образом, и в украинской разговорной и диалектной речи (ареалов, близких к русским говорам), и в донских говорах лексема имеет явную негативную коннотацию;

2) наименования блюд традиционной кухни: *кандер* ‘душистый полевой суп’ [14, с. 61]: ... *Кормежка там, гутарють, дюже плохая, какойся кандер делают* [11, с. 24]. *Кандером* называют еще ‘невкусное, плохо приготовленное жидкое кушанье, варево’ [15, вып. 14, с. 246], что и объясняет словоупотребление в романе. Одним из традиционных десертов донской кухни является *узвар* ‘компот из сухофруктов’ [3, с. 540]: ... *варили густые узвары и густые, как желе, кисели...* [11, с. 40]. По воспоминаниям представителей старшего поколения, такой компот подслащивали только на большие праздники (например, Рождество), если был сахар [А. А.];

3) флоронимы. Символом донской степи, наряду с ковылем и полынью, стал и цветок *невянушек* или *невянка* ‘бессмертник, кошачья лапка, лекарственное растение от заболеваний печени и почек’ [14, с. 94]: ... *полянки розовых сухих невянушек украшали скудный пейзаж* [11, с. 9]. Существует и другое значение лексемы *невянушек*, основанное на метафорическом переносе, ‘неунывающий, жизнерадостный человек’, преимущественно о женщине: *Окаянный же ты, невянушек, Устюнка, и постарела, а такай-та ж красивая* [А. А.], *окаянный* – похвала, восхищение.

До наших дней жители донских хуторов употребляют слово *подбранух* ‘начавшие созревать овощи, фрукты’, объясняя слово как ‘скоро готовые к сбору, т. е. то, что можно подбирать, собирать’ [А. А.]: ... *бригадир приказал Наташе ... итить подбранухи собирать. Начали у колхозе подлежаны буреть* [11, с. 24]. В народной этимологии лексема *подлежаны* ‘помидоры’ [3, с. 381] связана с двумя словами *под* и *лежать*, стоит отметить, что исследователи объясняют

слово фонетической близостью с названием другого флоронима – *баклажаны* [19, т. 3, с. 297].

В хозяйстве донских казаков использовали удобные, жесткие, долговечные веники из *сибирька* ‘чилиги степной’ [3, с. 483]: ...*обметая валенки сибирьковым веником*... [11, с. 91]. Очевидно, что название *сибирек* является производным от *Сибирь*. Предположим реализацию здесь семы ‘заросль’ (от монгольского *Sibir*) [19, т. 3, с. 616], что, в определенной степени, объясняет происхождение слова *сибирек*;

4) названия предметов мебели, ее деталей. Интересным для исследования считаем слово *прискрынок* ‘ящичек, отделение в сундуке (скрыне) для мелких вещей’ [15, вып. 31, с. 386]: *Дочечка, приняси суды крестики усех, они у прискрынку, у сундуке*... [11, с. 6]. Очевидно, что происходит оно от слова *скрыня* ‘сундук’. Лексема *скрыня* представляется нам как заимствование из близких к анализируемому ареалу восточнослобожанских украинских говоров (расстояние между селами Луганщины и донскими хуторами, расположенными недалеко от пограничной реки Деркул, и сегодня составляет считанные километры). В «Большом толковом словаре донского казачества» *скрыня* подано с пометой архаичное [3, с. 492].

Неотъемлемой частью семейного дома была *люлька* ‘подвесная колыбель для младенца’ [14, с. 78]: *Рауса легла вместе с матерью возле люльки, в которой тихонько посапывал Петр* [11, с. 22]. Кроме именной лексемы *люлька*, словари фиксируют глаголы *люлюкать* ‘качать, укачивать’ [3, с. 272], *люлькать* ‘убаюкивать’ [19, т. 2, с. 545], таким образом, звукоподражание дало наименование такого необходимого предмета мебели;

5) наименования хозяйственных емкостей, посуды: *доенка* ‘ведро для дойки, подойник’ [3, с. 134]: ... *она отперла деревянную запору на двери, вышла на баз, сняла с плетня доенку и пошла доить корову*... [11, с. 3].

Предметом повседневного казачьего быта была *сапетка* ‘большая круглая корзина из прутьев тальника’ [3, с. 471]: *Нюра, садись режь яблоки, вон у сапетке лежать*... [11, с. 7]. Слово *сапетка* (*сапет*) в его семантических оттенках фиксируют различные русские и украинские лексикографические источники [7, с. 137; 15, вып. 36, с. 124–125; 16, т. IV, с. 102]. Этимология лексемы связана с тюркскими языками (*sāpāt* ‘корзина’), где считается заимствованием из персидского [19, т. 3, с. 558].

Названия многих предметов остаются в активном употреблении жителей донских хуторов: *кадушка* ‘кадка, бочка’ [14, с. 59]: *Коляшка, Ванюшка и Дуняшка наперегонки побежали к кадушке* [11, с. 7]; *цыбарка* ‘железное ведро, расширяющееся кверху’ [3, с. 566]: ...*взяв цыбарку, стал из закрома выгребать муку* [11, с. 20]. Слово *цыбарка* в фонетических вариантах (*цебарка, цебер, цыбар*) зафиксировано во многих славянских языках в значениях ‘ведро’, ‘кадка’ [19, т. 4, с. 294]. А одно из значений слова *кадка*, от которого образовано *кадушка*, – ‘ведро’ [19, т. 2, с. 157], таким образом, наблюдается своего рода семантическая деривация названных лексем. Кроме прямого значения, слово *кадушка* имеет переносное – ‘очень полная женщина’: *Гляди, кума-то на старость стала как кадушка* [А. А.].

Еще одним сосудом была *долбенка* ‘емкость для купания’: *Папаня, иде чан чи долбенка, надо Манюшке выбаница*... [11, с. 36]. «Словарь русских народных говоров» фиксирует вариант *долбленка* ‘выдолбленный из дерева сосуд для хранения чего-л. (кадка, чашка, корытце)’ [15, вып. 8, с. 104]. Можно допустить, что в быту донских казаков использовалась емкость для купания, выдолбленная из дерева;

б) названия различных хозяйственных предметов, обуви: *лантух* ‘подстилка или покрывало в виде большого куска ткани из конопли или шерсти, используемое при с.-х. работах’ [3, с. 257]: *Дуняшка, вон лантухи лежать, расстилайте, будем яблоки резать и туды сыпать* [11, с. 25]. Этимологический словарь толкует слово *лантух* как ‘мешковина, мешок’ и связывает его с немецкими словами *Plantuch, Blahentuch* от *Plane, Plahe* ‘вид ткани’ или *Leintuch* ‘полотно’ [19, т. 2, с. 458].

Майно ‘вещи, домашнее имущество’: *Завтра утето майно привязу домой* [11, с. 21]. «Словарь русских народных говоров» подает слово в ином акцентологическом варианте

ма'йно 'вещи, имущество' [15, вып. 17, с. 305]. В отличие от современного русского литературного языка, где слово *майно* не употребляется, украинский литературный язык толкует слово как 'вещи, принадлежащие кому-то на правах собственности' [17, с. 598]. Предполагаем, что названная лексема заимствована донскими говорами из украинского языка или его говоров, где также распространена.

Природно-климатические и социально-экономические условия жизни донских казаков (отсутствие лесов, отдаленность шахт и дороговизна угля) заставляли население находить доступные источники топлива, одними их таких были *кизяки* 'топливо из сухого навоза с соломой в виде кирпичей или лепешек' [3, с. 215]: *Коля и Ваня носили в лантухах дрова и кизяки для топки русской печи* [11, с. 30]. Этимолог М. Фасмер слово *кизек* (*кизяк, кизёк*) связывает с тюркскими языками, где оно имеет значение 'сушеный навоз, спрессованный в кирпичи для топки' [19, т. 2, с. 231], исследователь донских говоров А. Миртов соотносит *кизек* с татарским *кисяк* 'кусок, отрезок' [12, с. 136]. Считаем, что версия происхождения слова, выдвинутая М. Фасмером, является более обоснованной, на что указывает само толкование тюркского заимствования.

Еще одним наименованием, заимствованным из тюркских языков, стало название обуви *чирики* 'грубая повседневная обувь' [3, с. 580], 'тяжелые будничные кожаные грубые, глубокие туфли (мужские и женские) на шерстяной подкладке' [12, с. 359]: *Раиса шла на носочках парусиновых чириков...* [11, с. 32]. Исторически это слово связано с тюркскими *čaryk* 'грубая обувь крестьян', *сарук* 'грубый башмак' [19, т. 4, с. 316]. Стоит отметить, что заимствование это достаточно давнее, поскольку уже в «Повести о Горе-Злочастии» (XII ст.) есть упоминание слова *чыры* 'башмаки' [19, т. 4, с. 365]. А *парусиной* называют «грубую льняную или полульняную ткань из толстой пряжи, идущую на чехлы, спецодежду, палатки и т.п. (первоначально употреблялась для парусов)» [4, с. 784].

Таким образом, представленная в романе «В жерновах» живая разговорная речь дает возможность говорить о ней как о самобытном культурном явлении. Уникальность лексики донских говоров обусловлена историческими условиями ее формирования: особенностями заселения ареала, взаимодействием с различными культурами и языками, что становится особенно наглядным при этимологическом анализе. Чертой, отличающей донские говоры от большинства других русских говоров, является генетическая близость с лексикой украинского литературного языка и его диалектов, что, прежде всего, вызвано географической близостью, а также общностью традиционного уклада жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алахвердиева, Л. К. «Донские просторы» русского языка в произведениях М. А. Шолохова / Л. К. Алахвердиева, Н. М. Локтионова // Вестник МГУКИ. – 2014. – № 4 (60). – С. 142–145.
2. Алахвердиева, Л. К. Фразеология русских донских говоров: лексико-семантический и фразеологический аспекты изучения : дис. на соиск. уч. ст. канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Л. К. Алахвердиева. – Ростов-на-Дону, 2000. – 242 с.
3. Большой толковый словарь донского казачества / Ростов. гос. ун-т. ; фак. филологии и журналистики; каф. общ. и сравнит. языкознания. – М. : Рус. словари : Астрель : АСТ, 2003. – 608 с.
4. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб : «Норинт», 2000. – 1536 с.
5. Брысина, Е. В. Этнолингвокультурологические основы диалектной фраземики Дона : дис. ... докт. филол. наук / Е. В. Брысина. – Волгоград, 2003. – 543 с.
6. Власкина, Н. А. Концепт Судьба в языковой и мифопоэтической картине мира донских казаков: дис. на соиск. уч. ст. канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Н. А. Власкина. – Ростов-на-Дону, 2010. – 327 с.
7. Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. Даль. – М. : Рус. яз., 1999. – Т. 4. – 688 с.
8. Захарова, М. А. Реализация соматического, зооморфного и фитоморфного культурных кодов в донских фразеологизмах, характеризующих трудовую деятельность / М. А. Захарова // Вестник КемГУ. – 2013. – № 2 (54). – Т. 1. – С. 191–194.

9. Етимологічний словник української мови / голов. ред. О. С. Мельничук. – К. : Наук. думка, 1982. – Т. 1. – 631 с.
10. Калинина, М. В. Лексико-семантическое поле «Одежда» в донском казачьем диалекте: этнолингвистический и лингвокультурологический аспекты дис. на соиск. уч. ст. канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / М. В. Калинина. – Волгоград, 2008. – 268 с.
11. Магеровская, Л. П. В жерновах / Л. П. Магеровская. – Луганск : Світлиця, 2009. – 200 с.
12. Миртов, А. В. Донской словарь. Материалы к изучению лексики донских казаков / А. В. Миртов. – Ростов-на-Дону, 1929. – 416 с.
13. Ненькина, Е. В. Вербализация пространственных отношений в донских говорах как отражение этнокультурного сознания : автореф. дис. на соиск. уч. ст. канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Е. В. Ненькина. – Волгоград, 2012. – 23 с.
14. Ремчуков, В. Н. Толковый казачий словарь / В. Н. Ремчуков. – Волгоград : Станица-2, 2007. – 192 с.
15. Словарь русских народных говоров. – Вып. 7 / Н. И. Андреева-Васина, О. Д. Кузнецова, А. Ф. Марецкая; гл. ред. Ф. П. Филин. – Л. : Наука, 1972. – 356 с.; Вып. 8 / Л. И. Балахонова, А. Ф. Марецкая, П. И. Павленко; гл. ред. Ф. П. Филин. – Л. : Наука, 1972. – 370 с.; Вып. 14 / О. Д. Кузнецова, П. И. Павленко, О. Г. Горохова; гл. ред. Ф. П. Филин. – Л. : Наука, 1978. – 377 с.; Вып. 17 / Н. И. Андреева-Васина, Ю. Ф. Денисенко, О. Д. Кузнецова; гл. ред. Ф. П. Филин. – Л. : Наука, 1981. – 384 с.; Вып. 31 / Ю. Ф. Денисенко, Т. Н. Дорогутина, А. Ф. Марецкая; гл. ред. Ф. П. Сороколетов. – СПб. : Наука, 1997. – 432 с.; Вып. 36 / О. Д. Кузнецова, С. А. Мызников, В. О. Петрунин; гл. ред. Ф. П. Сороколетов. – СПб. : Наука, 2002. – 344 с.
16. Словарь української мови : в 4 т. / упоряд. з дод. власн. матеріалу Борис Грінченко. – К. : Наук. думка, 1996. – Т. 1. – 495 с.; Т. 4. – 616 с.
17. Словник української мови в 11 т. / ред. колегія І. Білодід, А. А. Бурячок, Г. М. Гнатюк та ін. – Т. 4: ред. тому: А. А. Бурячок, П. П. Доценко. – К. : Наук. думка, 1973. – 840 с.
18. Туркулец, И. А. О некоторых этнолингвистических особенностях диалектных слов и выражений донского казачества / И. А. Туркулец // Гуманитарные и социальные науки. – 2014. – №2. – С. 663–666.
19. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева ; под ред. и с предисл. Б. А. Ларина. – 3-е изд., стер. – СПб. : Азбука, 1996. – Т. 2. – 1996. – 672 с.; Т. 3. – 1996. – 832 с.; Т. 4. – 1996. – 864 с.

Матеріал поступил в редакцію 30.05.17.

FEATURES OF THE LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD OF DON COSSACKS (BASED ON MATERIAL OF LYUDMILA MAGEROVSKAYA'S NOVEL "O ZHERNOVAKH" (ABOUT MILLSTONES))

T.A. Diakova, Candidate of Philology, Associate Professor
Lugansk State Academy of Culture and Arts named after M. Matusovski, Lugansk

Abstract. *The article deals with the fragment of the linguistic worldimage of Don Cossacks. The analysis is based on the material of artistic text of the modern novel. Dialectal lexemes of the «O Zhernovakh» (About Millstones) by L. Magerovskaya are divided into several groups: names of people; denominations of dishes of the traditional cuisine; names of plants; names of furniture and it's parts, household tanks, tableware, different household objects, shoes). Different lexicographical sources and archival field notes of the author are used to study the dialectal material.*

Keywords: *linguistic worldimage, dialect, Don dialects, Don Cossacks, etymology, lexeme, ethnoculture, symbol.*

УДК 8; 1751 81

КОЛУМБИЙСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВАРИАНТ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА И ЕГО ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ДИАЛЕКТЫ: ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ

А.М. Сеницына, ассистент

Российский университет дружбы народов (Москва), Россия

Аннотация. В статье дается общий обзор фонетических, лексико-морфологических и морфолого-синтаксических характеристик колумбийского национального варианта испанского языка, а также приводятся примеры значений языковых единиц, принадлежащих к определенным диалектальным зонам страны. При классификации указанных зон особое внимание уделяется системе региональных обозначений этнокультурных групп колумбийцев, выделяемых по территориальному принципу. В семантике подобных имен зачастую проявляется отношение жителей разных регионов страны друг к другу, что также находит отражение в устойчивых выражениях языка.

Ключевые слова: национальный вариант языка, диалект, диалектальная зона, этнокультурная группа, лексема.

Колумбийский национальный вариант испанского языка является наиболее ярким примером супрадиалекта зоны Карибского бассейна и имеет ряд общих характеристик, отличающих его от испанского языка других стран. Так, говоря о фонетических особенностях данного варианта, лингвисты выделяют следующие характерные черты:

- 1) отсутствие аспирации согласных звуков;
- 2) произнесение звуков [j] и [h], который не является фонемой;
- 3) отсутствие различий в произнесении звуков [b] и [v];
- 4) фрикативизация и аппроксимация смычных звонких согласных только в интервокальной позиции (например, «el burgo» произносится как [el'burgo] в Колумбии, но [el'βurgo] в остальной Латинской Америке и Испании) [5].

В реализации морфолого-синтаксических средств одним из наиболее ярких отличий от пиренейского стандарта в колумбийском национальном варианте является употребление личных местоимений. В Колумбии в наши дни сохранилось явление *voseo* (использование формы *vos* вместо *tú*) в таких региональных зонах, как Антиокия, Кауке, Валье, Нариньо, Чокко (побережье). Однако точные границы распространения *voseo* в Колумбии не установлены до сих пор.

Также в Колумбии весьма специфична реализация формы *usted* в качестве контекстуального синонима форм *tú* и *vos* в обиходно-разговорной речи жителей отдельных штатов страны. Например, описывая разговорную речь колумбийцев, населяющих департамент Сантандер, Л. Флорес отмечает следующий факт: вместо *tú* и *vosotros* всеобщее и обычно употребление *usted*, *ustedes* [14].

В современной разговорно-обиходной речи колумбийцев использование местоименной формы *usted* взамен *tú* и *vos* встречается преимущественно в низших социальных слоях

общества, причем наиболее частотна реализация морфолого-фонетических вариантов этого местоимения: *usté, vusté, ujté*. В наши дни в Колумбии в повседневной разговорной речи прослеживается реализация личного местоимения *yo* в препозиции к другим личным местоимениям, именам собственным и т.д.: *yo u usted, yo u él, yo u ella* [13].

К лексико-грамматическим особенностям колумбийского, в отличие от национально-пиренейского варианта, можно отнести и чрезмерное употребление ими уменьшительно-ласкательных суффиксов, особенно в речи низших социальных слоев общества (см. пример 1, здесь и далее – перевод наш). В этом случае в коммуникативном поведении данной прослойки общества наблюдается стремление к гипокористичности высказывания. Подобный узус в ряде коммуникативных ситуаций как бы подчеркивает чувство приниженности, неполноценности говорящего, заискивания перед лицами, вышестоящими на социальной лестнице (см. пример 2):

(1) *Quiénes murieron en Venezuela? Ahorítica conmemoramos Bárbula, hace poquito, San Mateo...* (Кто умер в Венесуэле? Вот сегодня вспоминаем события, связанные с Барбулой, совсем недавно – с днем Св. Матфея...) [6, с. 3].

(2) = ¿*Qué numercito desea?* (Какой номерочек хотите?)

= *Mamacita, ¿quiere otra cosita?* (Девонька, еще какую-нибудь вещичку хотите?)

= ¿*Damita, damita, su shequecito!* (Дамочка, дамочка, ваш счетик!) [7].

Тем не менее, огромный ареал Колумбии делится на ряд диалектальных зон, говор жителей которых сильно различаются между собой. Основной лингвистической классификацией считается разделение страны на нижний регион (равнинные зоны) и горные, или андские регионы. Среди горных диалектов, в свою очередь, выделяются *местный* (испанский), *кундибойясенсе* и *нариньесе*, на котором говорят на всей территории центральных Анд. В целом, горные диалекты характеризуются четким произнесением всех согласных.

Среди диалектов «жаркой зоны», в первую очередь, выделяется *прибрежный* (карибский), объединяющий общие характеристики говоров Венесуэлы, Кубы, Доминиканской Республики и Пуэрто Рико, а также *магдаленезский* (диалект провинции Магдалена) и *толимский* (диалект регионов Сантандер, Уила и Толима) диалекты, весьма похожие между собой. *Равнинный* диалект в восточной зоне, *долинный* – в долине Рио Каука и *диалект Атлантики* дополняют большую лингвистическую группу колумбийского национального варианта испанского языка.

Говор провинции Антиокия и зон, в состав которой входят провинции Киндио, Рисаралда и Калдас, стоит особняком в списке диалектных зон, как и диалект Боготы, поскольку здесь смешались разные этнические культуры страны. Так, например, в последнем до сих пор встречаются характерные особенности древнего языка жителей Боготы, которые существуют как самостоятельные диалекты, не влияющие на национальную норму Колумбии.

Вторая классификация диалектов Колумбии, по наблюдениям американского романиста Дж. Липски, связана с обиходным сознанием колумбийцев, которое разделяет население страны на *cachacos* / «качакос» (жителей высокогорных районов) и *costeños* / «костеньос», проживающих на побережье [3]. Используя этот критерий, известный колумбийский филолог Х.Х. Монтес Хиральдо выделил две языковых «суперзоны» Колумбии – *внутреннюю* и *прибрежную* (*карибскую* и *тихоокеанскую*) [16]. Во «внутренней суперзоне» находится и столица страны Богота, и, по мнению Дж. Липски, речь жителей колумбийской столицы является образцом для подражания для жителей других регионов страны. Богота отличается чистотой речи и называется «Афинами Южной Америки» (*Atenas Suramericana*) [15], однако в современном дискурсе этот устойчивый перифраз Боготы нередко приобретает ироничные коннотации (см. пример 3):

(3) *En el caso nuestro, además de convertir al presidente poeta ... creó el triple mito de que en Colombia dizque se hablaba “el mejor español del mundo”, de que Bogotá era la “Atenas sudamericana” y de que el gobernante ideal era alguien capaz de encauzar tanto los desafueros de un país como las sonoras turbulencias del idioma.* (В нашем случае поэт, кроме того, что стал

президентом, создал тройной миф: в Колумбии, как видно, говорят «на лучшем испанском языке в мире», Богота – это «Афины Южной Америки», а идеальный правитель – это тот, кто способен направить в нужное русло встряски, происходящие как в стране, так и в ее языке.) [12]

Историческая самобытность, своеобразность черт среды обитания, особенности психического склада наций и этнокультурных общностей способствуют образованию выразительных обозначений «своих» и «чужих», из которых образуются этнические и региональные стереотипы и реалии страны. Система региональных обозначений этнокультурных групп колумбийцев, выделяемых по территориальному принципу, помимо упомянутых выше «качакос» и «костеньос», включает целый ряд названий, каждое из которых несет печать исторических, географических и культурных особенностей. Остановимся подробно на культурообразующих чертах обозначающих их лексем.

Cachacos / «качакос». В узком смысле лексема *cachaco* именуется жителей Боготы и является разговорно-обиходным синонимом прилагательного от одноименного топонима *bogotano*. Как синоним лексемы *cachaco* для обозначения жителей Боготы функционирует имя *rolo*, возникшее как звукоподражательное обозначение креолов, имевших особую манеру произнесения согласного /r/ [11]. Словарь Испанской Королевской Академии даёт значения лексемы *cachaco* с территориальными пометами трёх латиноамериканских стран: Колумбии, Пуэрто-Рико и Перу. Колумбийские значения – «элегантный» и «хорошо воспитанный», перуанское – «полицейский», пуэрториканское – «испанец с высоким экономическим положением» [17].

Существует мнение, что зарегистрированные Словарём Испанской Королевской Академии колумбийские значения лексемы *cachaco* могут происходить от фонетически преобразованного существительного *casaca* («камзол»), принадлежности модников и щёголей [11]. В обиходном сознании представления о моднике и щёголе могут переходить в отрицательную и даже презрительную характеристику, и в данном случае «колумбийское значение» лексемы *cachaco*, зафиксированное в словарях («для жителей прибрежных районов – житель столицы или внутренних районов страны»), сопровождает помета *despectivo* («пренебрежительное») [17].

В широком смысле именем *cachaco* называют не только жителей Боготы, но и всех жителей природно-географической зоны *Altiplano Cundiboyacense*, исконной территории чибча-муисков, при этом данная лексема закрепила именно как обозначение с точки зрения «костеньос» [9]. Примером тому может послужить устойчивое выражение *más contento que cachaco en playa* («более довольный, чем качако на пляже»). Данный фразеологизм иронически апеллирует к восприятию «качакос» со стороны «костеньос», живущих на Атлантическом (Карибском) побережье страны и имеющих доступ к пляжам, от которых «качакос» отрезаны географически.

Costeños / «костеньос». Так обычно называют жителей Карибского побережья Колумбии. Исторически сложилось так, что Колумбия имеет выход к Карибскому морю (Mar Caribe) и Тихому океану (Océano Pacífico), но жители этих двух побережий несколько различаются этнологически и осознают себя как различные общности. Пример 4, построенный на омонимии прилагательных *Pacífico* («тихоокеанский») и *pacífico* («мирный», «спокойный»), иллюстрирует такое восприятие:

(4) *Aunque Colombia tiene dos costas, se entiende por Costa la del Mar Caribe por ser la más rumbera. La otra Costa es más pacífica.* (Хотя Колумбия имеет два выхода к морю, под Побережьем понимается Карибское побережье, поскольку оно более «заводное». Другое побережье – более «тихое».) [8, с. 78]

«Качакос» отвечают «костеньос» пренебрежительным отношением, которое отражается в языке: обозначение «костеньос» с их стороны как *corroncho* (или *corrunchito*) имеет в речи колумбийцев значения «грубый» и «заурядный» [9]. Актуализация самой лексемы *costeño* в этом ракурсе также может иметь негативную коннотацию:

(5) *Cada verano cuando voy de vacaciones al pueblo me reúno con mi amigo. Es un poco extraño, a veces comporta como un costeño. Y eso me fastidia mucho.* (Каждое лето, когда я езжу в отпуск в деревню, то встречаюсь со своим другом. Он немного странный, иногда ведет себя как настоящий «костеньос». И это меня раздражает.) [из разговора с носителем языка]

Значимость именно культурного своеобразия Карибского побережья для осознания идентичности его жителей подчёркивает Г. Гарсиа Маркес: «A propósito del Caribe, creo que su área está mal determinada, porque en realidad no debería ser geográfica sino cultural» («Что касается Карибов, то я думаю, что их пространство определено неверно, потому что, в действительности, речь должна была бы идти не о географии, а о культуре») [8, с. 80].

Жители тихоокеанского побережья Колумбии традиционно называются не *costeños*, а в зависимости от департамента, где они проживают. *Vallunos* / «вальюнос» – жители департамента Валье-дель-Каука, на западе страны; *caucanos* / «кауканос» – жители департамента Каука; *chocoanos* / «чокоанос» – жители департамента Чокó. Речь жителей Карибского и Тихоокеанского побережий Колумбии значительно различается, особенно фонетически [15].

Llaneros / «льянерос» – жители региона Восточных Льяносов. Лексема *llanero* происходит от существительного *llano* («равнина»). Этнокультурный тип «льянеро» – это всадник и скотовод. В этом смысле симптоматична иллюстрация узуса лексемы *llanero*, которую даёт колумбийское издание словаря Larousse (см. пример 6):

(6) *Los llaneros recorrían grandes distancias para trasladar al ganado.* (Перегоняя скот, «льянеро» преодолевали огромные расстояния.) [10].

Их манера разговора, кухня, музыка и даже внешний облик сразу отличают «льянеро» от других жителей страны. Они очень гордятся принадлежностью к своему народу и всегда подчеркивают это. Оригинален музыкальный фольклор «льянерос»: в качестве ведущего музыкального выступает арфа, что очень необычно для американского континента.

Santandareanos / «сантандареанос» – жители двух расположенных на северо-востоке страны департаментов – Сантандер и Северный Сантандер, по этническому составу это, в основном, метисы. Земли департамента Северный Сантандер заселены многочисленными группами индейцев, обозначение которых также привязано к топонимике, например, «кукутас» (*cúcutas*) в районе Кукута, «читарерос» в Памплоне (*chitareros en Pamplona*), «москитос» в районе Оканья (*mosquitos en Ocaña*) и др.

Жители Сантадера темпераментны, экспрессивны в речи, их темпераментность отражается и в том, что среди «сантандареанос» много отличных ораторов. В среде жителей Сантадера традиции играют важную роль, приверженность семейным ценностям отличает «сантандареанос» от других колумбийцев, причем интересы семьи здесь преобладают над интересами одного члена семейного клана.

Paisas / «пайсас». Лексема *paisa* представляет усечение по типу апокопы от существительного *paisano* («земляк»). «Пайсас» – это жители департамента Антиокия и Кофейной Оси (*Eje Cafetero*), т. е. штатов Кальдас, Рисаральда, Киндио и северо-восточной части штата Валье-дель-Каука. В узком смысле *paisa* – это разговорно-обиходный синоним лексемы *antioqueño* («антиокеньо»), от названия штата *Antioquia*. В процессе образования общности «антиокеньо» участвовали переселившиеся из Испании баски, а также крещёные евреи и выходцы из Сирии и Ливана [4].

В повседневном укладе жизни колумбийцев «пайсас» соотносятся с практической смекалкой, тягой к торговле, изворотливостью, экспансивностью и богатым воображением [8]. К изворотливости и корыстности «пайсас» апеллирует поговорка *antioqueño que se respete, pide rebaja* («уважающий себя антиокиец просит скидку») Для называния типичного поступка (поведения) антиокийца у колумбийцев имеется специальная лексема *antioqueñada* – частотная для испанского словообразования комбинация суффикса *-ada* с основой, обозначающей лицо, и передающая «значение поступка, характерного признака лица (или лиц)» [17]. Речь антиокийцев пользуется известным престижем, чему во многом способствовал писавший в жанре костюмбристской реалистической прозы и родившийся в Антиокии

колумбийский писатель Т. Карраскилья.

Столица Антиокии город Медельин известен городским молодёжным жаргоном *parlache* («парлаче») со сложившейся системой кодов и тропеических механизмов, проникающих в другие языковые коллективы и регистры общения. Многие из этих слов были популяризированы колумбийскими СМИ, использованы в книгах А. Салазара «Pablo Escobar, el patrón del mal (La parábola de Pablo)» (2001), «No Nacimos pa' Semilla» (1990), театральном шоу А. Лопеса «Letters-La Pelota de Letras» («Начитанный Шар») и т.п. [13]. Приведем отдельные лексемы из жаргона «парлаче»:

- *abrirse* («открываться»): уехать;
- *caliente* («горячий»): опасный;
- *guayabo*: похмелье (в других частях Латинской Америки – *resaca*);
- *paquete* («пакет»): один миллион колумбийских песо, также используется в качестве оскорбления;
- *sardino* («сардина»): молодой человек;
- *sereno* (также *chiflón*): легкая болезнь или недомогание; связанный с холодными бризами (*Me entró el sereno* = «кажется, я заболел»);
- *vieja* («старуха»): женщина, мама;
- *viejo* или *viejito* («старик», «старичок»): чувак, друг, папа [2] и др.

Лексический уровень языка универсально оказывается наиболее проницаемым для отражения лингвокультурологических фактов. Так, например, третье издание «Словаря колумбизмов», осуществленное учеными из «Колумбийской академии языка», передает широкий спектр территориальных помет.

На материале лексико-семантического поля «характеристика человека» приведем несколько иллюстраций территориальной отнесенности колумбийской лексики:

- *bámbaro* («бесплодный») имеет территориальную помету штата Нариньо;
- *brocha* бытует в значениях «грубый», «неотесанный» (о человеке) в департаментах Бояка и Кундинамарка;
- прилагательное *canillón* имеет территориальные пометы Атлантического побережья, штатов Кундинамарка и Сантандер и значение «длинноногий»;
- имя общего рода *caradenalga* означает «некрасивый», имеет помету «разговорное» и территориально отнесено к штатам Антиокия, Кальдас и Атлантическому побережью;
- прилагательное *zalamero* означает «привередливый в еде», имеет помету «разговорный» и территориально отнесено к штатам Кальдас, Киндио, Рисаралда [9] и т.д.

На юге страны, в регионе «Кофейной Оси», также широко распространено замещение *la tierra* («земля») на *país* («страна»), а выражение *quiero morir en mi(s) pago(s)* здесь чаще всего используется вместо привычного по всей стране *quiero morir en mi tierra* («я хочу умереть на своей земле»).

Одной из главных характеристик жителей этого региона выступает любовь к комплиентам (*piqoros*), причем под *piropo* понимается комплимент, адресуемый лицу женского пола и касающийся только его внешних данных. «Объект», как правило, не знаком адресанту, а комплимент обычно имеет шутливую форму преувеличенной и завышенной похвалы и реализуется в неофициальном регистре общения с целью выразить восхищение или продемонстрировать ухаживание [1].

Исследователи отмечают, что привычка местных жителей делать необычные, галантные и романтические комплименты постепенно уходит в прошлое, принимая более спокойную форму европеизированных комплиментов. Тем не менее, именно в регионе «Кофейного треугольника» все еще можно услышать довольно яркие варианты. Например, мужчина вполне может произнести на прощание: *¡Adiós, belleza!* («До свидания, красота!»). *¡Adiós, reinita!* («До свидания, королева!»). Часто на улице можно услышать: *¡Uy, qué ojos!* *¡Ay, qué pier-nas!* *¡Qué ojazos tan bellos!* *¡Qué cara más linda!* («Ух, какие глаза! Ай, какие ноги! Какие кра-

сивые глазки! Какое очаровательное лицо!»).

Таким образом, существующие диалектизмы, которые делают колумбийский вариант испанского языка неповторимым в лингвистическом плане, можно обобщенно представить в виде двух крупных блоков – территориальные и этнические. В заключение необходимо также отметить, что сложившиеся в колумбийском испанском языке диалектизмы не «застывают», а подвергаются изменениям, и это говорит, прежде всего, о том, что процесс формирования национального языка в Колумбии еще не завершен. Колумбийский национальный вариант испанского языка отличается от пиренейского варианта все больше и больше, и уже даже язык жителей Боготы не может рассматриваться тем первоначальным испанским кастильским, который считается наиболее приближенным к языку Сервантеса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зверева, Е. В. Коммуникативно-речевая ситуация "Комплимент": На материале исп. яз. Дисс. ... канд. филол. наук / Е. В. Зверева. – М., 1995. – 330 с.
2. Кутькова, А. Жаргон парлаче как социолингвистический феномен в испанском языке Колумбии / А. Кутькова // Древняя и новая Романия. – 2014. – Т. 13, № 1 (13). – С. 243-253.
3. Михеева, Н. Ф. Испанский язык и межкультурная коммуникация. Изд.3, доп. / Н. Ф. Михеева. – М.: URSS, 2009. – 272 с.
4. Народы и религии мира. Энциклопедия. – М.: БРЭ, 1999. – 928 с.
5. Фирсова, Н. М. Испанский язык в испаноязычных государствах Латинской Америки: Колумбия, Эквадор, Пуэрто-Рико / Н. М. Фирсова. – М.: Муравей, 2002. – 168 с.
6. Фирсова, Н. М. Проблемы форм обращения в современном испанском языке: национальное своеобразие и типы территориального варьирования / Н. М. Фирсова // Коммуникативно-функциональная лексика и грамматика языковых единиц. – М.: Изд-во РУДН, 1987. – С. 1-13.
7. Чеснокова, О. С. Испанский язык в странах Латинской Америки. Мексика: Учеб. пособие / О. С. Чеснокова. – М.: Изд-во РУДН, 2004. – 99 с.
8. Чеснокова, О. С. Этнические и региональные реалии Колумбии / О. С. Чеснокова // Вестник МГОУ. Серия «Лингвистика». – М.: Изд-во МГОУ, 2013. – № 4. – С. 77-84.
9. Breve diccionario de colombianismos. – Bogotá: Academia Colombiana de la Lengua, 2012. – 124 p.
10. Diccionario del estudiante [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rae.es/obras-academicas/diccionarios/diccionario-del-estudiante> (дата обращения: 10.05.2017)
11. Diccionario de gentilicios de Colombia. – Bogotá: Imprenta Nacional de Colombia, 2008. – 176 p.
12. Durán, M. J. ¿Quién manda en la lengua? Política y gramática: un chiste / M. J. Durán // El País, 3.07.2016 [Электронный ресурс]. URL: http://cultura.elpais.com/cultura/2016/06/30/actualidad/1467296686_111410.html (дата обращения: 10.05.2017)
13. El Proyecto de Jergas de Habla Hispana [Электронный ресурс]. URL: <http://www.jergasdehablahispana.org/proyecto2.htm> (дата обращения: 10.05.2017)
14. Flórez, L. Del español hablado en Colombia / L. Flórez. – Bogotá, 1975. – 354 p.
15. Lipski, J. M. Spanish in the Pacific / J. M. Lipski. – Stephen Wurm, Peter Mühlhäusler, Darrell Tryon, eds., Atlas of languages of intercultural communication in the Pacific, Asia, and the Americas. – Berlin and New York: Mouton de Gruyter, 1996. – Vol. I, pp. 271-298.
16. Montes Giraldo, J. Un tipo de composición nominal y el español “atlántico” / J. Montes Giraldo // Boletín del Instituto Caro y Cuervo. – Bogotá, 1977. – Т. XXXII – 3, pp. 658-669.
17. Richard, R. Diccionario de hispanoamericanismos no recogidos por la Real Academia (Formas homónimas, polisémicas y otras derivaciones morfosemánticas) / R. Richard (ed.). – Madrid: Lavel, S.A., 2006. – 600 p.

Материал поступил в редакцию 08.06.17.

COLOMBIAN NATIONAL VARIATION OF SPANISH AND ITS TERRITORIAL DIALECTS: LANGUAGE PECULIARITIES

A.M. Sinitsyna, Teaching Assistant
The Peoples' Friendship University of Russia (Moscow), Russia

***Abstract.** The article gives an overview of phonetic, lexical-morphological and morphological-syntactical features of the Colombian national variation of Spanish; it also draws examples of meanings of certain language units, typical for different dialectal zones of the country. When classifying these zones, the special attention is paid to the system of regional nomination of Colombian ethnic groups, which are distinguished according to the territorial criterion. The semantic of such names tends to contain the attitude of inhabitants of different regions towards each other, which is also reflected in language idioms.*

***Keywords:** national variant of language, dialect, dialectal zone, ethnic and cultural group, lexeme.*

УДК 81'42

РОЛЬ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ДИАЛОГЕ

М.Л. Корытная¹, С.Е. Михайлова²

^{1,2} кандидат филологических наук, доцент

¹ Тверской государственной университет,

² Военная академия воздушно-космической обороны имени Г.К. Жукова (Тверь), Россия

***Аннотация.** В статье обсуждается специфика функционирования прецедентных феноменов, составляющих языковой фонд различных лингвокультурных сообществ, и особенности их влияния на коммуникацию на межкультурном уровне.*

***Ключевые слова:** прецедентные феномены, межкультурная коммуникация, межкультурный диалог, лингвокультурное сообщество.*

В условиях интеграции мирового пространства происходит расширение политических, экономических и культурных контактов. Создание единых экономических зон, политических блоков, участие в международных проектах в области культуры и искусства обуславливают необходимость эффективной коммуникации в разных сферах человеческой жизни.

Адекватная коммуникация с представителями определенного лингвокультурного сообщества невозможна без знакомства с культурой этого сообщества. Успешность процесса коммуникации с представителями иной культуры зависит напрямую от уровня культурной компетенции участников данного процесса, так как если человек не знаком или недостаточно владеет информацией о культуре собеседника, то риск коммуникативного провала увеличивается.

Языковой фонд любого лингвокультурного сообщества располагает обширным запасом прецедентных феноменов. В них отражены национальные культурные традиции, исторические события и лица, мифология, памятники искусства и литературы, произведения устного народного творчества. Прецедентные феномены представляют собой «культурные предметы», которые отражают и определяют особенности национального характера, этнического и языкового сознания. Таким образом, специфика функционирования прецедентных феноменов в дискурсе является актуальной научной проблемой на сегодняшний день.

В сознании представителя определённого лингвокультурного сообщества находятся как индивидуальные, так и социально-групповые, национально-культурные и универсальные знания и представления. В.В. Красных [3, с. 173] выделяет следующие феномены: социумно-прецедентные, известные любому представителю того или иного социума; национально-прецедентные, знакомые каждому представителю определенного лингвокультурного сообщества; и универсально-прецедентные, входящие в «универсальное» когнитивное пространство человечества. Под последними понимаются «ценностные феномены, известные широкому кругу людей разных культур и воспроизводимые неоднократно в устных и письменных текстах» [4, с. 106].

В период глобализации возрастает число универсальных прецедентных феноменов,

знание которых обязательно, так как именно они обеспечивают эффективный диалог культур в процессе межкультурной коммуникации [2]. *Универсальные прецедентные феномены* обычно не представляют трудности для перевода, поскольку инвариант восприятия, который стоит за ними, имеет соответствующее языковое воплощение в любой культуре.

Понимание текстов, включающих *национально-прецедентные феномены*, связано для иностранца с немалыми трудностями, так как для успешной коммуникации недостаточно информации из лексикографических источников. Верно воспринять смысл высказывания, содержащего прецедентный феномен, возможно только при условии знания стоящего за ним национально детерминированного минимизированного представления.

Несомненно, коммуникации в рамках диалога культур способствуют так называемые международные прецедентные феномены, актуальные для представителей двух или нескольких культур (например, рус. *железный занавес*, англ. *the iron curtain*, нем. *der eiserne Vorhang*, фр. *le rideau de fer*; русс. *камень преткновения*, нем. *der Stein des Anstosses*, англ. *a stumbling-block*, фр. *pietre d'achoppement* и др.). Фонд международных прецедентных феноменов составляют прецедентные имена, высказывания, ситуации и тексты. Так, известные в нескольких лингвокультурных сообществах прецедентные имена *Джеймс Бонд*, *Рэмбо*, *Терминатор* символизируют смелость, бесстрашие, отвагу. Прецедентное имя *Робин Гуд* употребляется по отношению к борцу за справедливость, помогающему бедным и обиженным. *Скруджем* можно назвать скупого, бессердечного человека.

В русский язык вошло немало иноязычных прецедентных феноменов, которые могут употребляться как в переводе на русский язык (лат. *veni, vidi, vici* - русс. *пришел, увидел, победил*; англ. *brain drain* - русс. *утечка мозгов*), так и в нетранслитерированной форме (ит. *finita la comedia*; лат. *curriculum vitae*; англ. *who's who*; *self-made man*). Большую группу международного фонда прецедентных феноменов составляют латинские цитаты, особое место которых определяется выдающимся значением, которое принадлежит латинскому языку и литературе в истории европейской культуры (например, *homo sapiens*; *dictum factum*; *alma mater*; *curriculum vitae*).

Особую группу составляют прецедентные феномены, возникшие на основе известных для многих лингвокультурных сообществ текстов, к которым в первую очередь, относятся библейские сюжеты (например, русс. *нести свой крест*, нем. *sein Kreuz tragen*, англ. *bear one's cross*, фр. *porter sa croix*; русс. *камень преткновения*, нем. *der Stein des Anstosses*, англ. *a stumbling-block*, фр. *pietre d'achoppement*); древнегреческие и древнеримские мифы (например, русс. *ахиллесова пята*, нем. *Achillesferse*, англ. *an Achilles heel*; русс. *дамоклов меч*, нем. *Damoklesschwert*, англ. *a sword of Damocles*).

Интерес представляют прецедентные феномены, возникшие на основе международных «бродячих сюжетов» (фольклорные и авторские). Так, испанская сага XIV века о неутомимом соблазнителе женщин и авантюристе *Дон Жуане* стала основой сюжета для более ста произведений мировой литературы: пьесы испанского драматурга Тирсо де Молина «Севильский соблазнитель»; комедии Мольера «Дон Жуан»; драмы А.С. Пушкина «Каменный гость» и др. Популярна опера Моцарта «Дон Жуан».

Сказочные сюжеты повторяются от поколения к поколению, интерпретируются разными народами. Международная общность таких сюжетов помогает их восприятию даже на иностранном языке, а разное языковое и национально-специфическое оформление дает богатый материал для исследовательской деятельности.

Можно выделить целую группу прецедентных феноменов из русскоязычных текстов, возникших на основе иностранных и являющихся результатом межкультурного диалога, так как заимствованный из другой культуры сюжет или персонаж не механически переносится в другую культуру, а интерпретируется в ней. Сюда можно отнести цикл «Маленькие трагедии» А.С. Пушкина (например, из миниатюры «Моцарт и Сальери» возникли прецедентные феномены *гений и злодейство – две вещи несовместные; но правды нет и выше; поверить алгеброй гармонию; простодушие гения*).

Психологическая структура значения одного и того же международного прецедентного феномена у представителей различных лингвокультурных сообществ будет пересекаться (в той или иной степени совпадать), что способствует более успешному протеканию коммуникации. Чем шире зона пересечения, тем адекватнее коммуникация.

Однако несовпадение национальных инвариантов восприятия прецедентных феноменов и незнание их разницы в разных культурах могут привести к коммуникативным неудачам и даже провалам. Как отмечает Артемьева [1, с 39], за прецедентным феноменом стоит общее и обязательное для всех носителей определённого национально-культурного менталитета представление о нём, в то время как за этим же прецедентным феноменом для представителя другой культуры могут стоять другие представления. Так, например, англичане и американцы считают *Дон Кихота* бесперспективным человеком, испанцы – глупым бездельником, а для представителей русского лингвокультурного сообщества он бескорыстный человек, «рыцарь печального образа». Для монголов *Чингисхан* является мудрым правителем и основателем могучего государства, а для русской культуры – беспощадный человек и жестокий завоеватель.

Представления, стоящие за одним и тем же иноязычным прецедентным феноменом, будут также в какой-то мере отличаться у людей, принадлежащих разным культурам, так как восприятие одного и того же международного прецедентного феномена представителями различных лингвокультурных сообществ будет детерминировано особенностями культурного и исторического развития каждого лингвокультурного сообщества.

Предполагается проведение экспериментального исследования с целью обращения непосредственно к сознанию носителей разных языков, чтобы сделать выводы относительно того, что стоит за тем или иным прецедентным феноменом международного фонда у представителей различных лингвокультурных сообществ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Артемьева, П.С. Прецедентные феномены как выразительное средство: диалог культур в художественном тексте: дис. ... канд. филол. наук. / П.С. Артемьева. – Саратов, 2016. – 163 с.
2. Должикова, С.Н. Прецедентные феномены в английском языке / С.Н. Должикова. – Краснодар: Краснодарский филиал РГТЭУ, 2011 – С. 18.
3. Красных, В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В.В. Красных. – М.: Гнозис, 2003. – 375 с.
4. Кулакова, О.К. Дракон как универсальный прецедентный феномен в авторской картине мира / О.К. Кулакова // Вестник Иркутского гос. ун-та. – 2010. Вып. 4 (12). – С. 105-110.

Материал поступил в редакцию 30.06.17.

THE ROLE OF THE PRECEDENT PHENOMENA IN INTERCULTURAL DIALOGUE

M.L. Korytnaya¹, S.Ye. Mikhaylova²

^{1,2} Candidate of Philological Sciences, Associate Professor

¹ Tver State University,

² G.K. Zhukov Military Academy of Aerospace Defense (Tver), Russia

Abstract. *This article deals with the peculiarities of functioning of the precedent phenomena, making language fund of various linguocultural communities, and features of their influence on the intercultural communication.*

Keywords: *precedent phenomena, intercultural communication, intercultural dialogue, linguocultural community.*

Для заметок

Для заметок

ФИЛОЛОГИЯ

Международный научный журнал

№ 4 (10), июль / 2017

Адрес редакции:

Россия, 400081, г. Волгоград, ул. Ангарская, 17 «Г», оф. 312.

E-mail: sciphilology@mail.ru

<http://sciphilology.ru/>

Изготовлено в типографии ООО «Сфера»

Адрес типографии:

Россия, 400105, г. Волгоград, ул. Богунская, 8, оф. 528.

Учредитель: ООО Издательство «Научное обозрение»

ISSN 2414-4452

Редакционная коллегия:

Главный редактор: Мусиенко Сергей Александрович

Ответственный редактор: Маноцкова Надежда Васильевна

Дмитриева Елизавета Игоревна, кандидат филологических наук
Анимова Ольга Константиновна, кандидат филологических наук
Атаманова Наталья Викторовна, кандидат филологических наук

Подписано в печать 12.07.2017 г. Формат 60x84/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Заказ № 22. Свободная цена. Тираж 100.